

Дмитрий ЕМЕЦ
дверь
на двушку

ШКОЛА НЫРЯЛЬЩИКОВ

ШНыр

Дмитрий Емец
Дверь на двушку

«Емец Д. А.»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Емец Д. А.

Дверь на двушку / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2020 — (ШНыр)

ISBN 978-5-04-091791-4

Гаю нужна закладка вечной жизни, которая хранится в тайнике на двушке. Он точно знает, как и с помощью кого ее можно достать. Только вот этот кто-то – младенец, ребенок Ула и Яры. Каким-то непостижимым образом тот способен перемещаться между мирами, словно из комнаты в комнату. А значит, может стать проводником. Осталось лишь подвести его к тому самому месту, откуда нырнуть на двушку и достать закладку бессмертия проще всего...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-091791-4

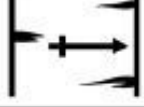
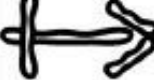

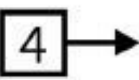

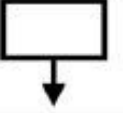
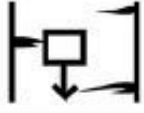

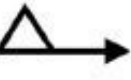

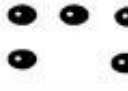

© Емец Д. А., 2020
© Емец Д. А., 2020

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	18
Глава третья	25
Глава четвертая	37
Глава пятая	47
Глава шестая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дмитрий Емец Дверь на двушку

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направ- ление на лагерь
					Привал
					Тут переправа

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищен- ная от гиел
					Осторожно! Магическое минирова- ние
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязы- вать!
					Прощальный знакшныра, попавшего в беду

– Честно говоря, я не понимаю, что с вами со всеми происходит!

«А я понимаю, – подумала Тиффани. – Ты ведешь себя как пастушья собака, которая все время досаждаёт овцам. Ты не даешь им времени подчиниться и не позволяешь им понять, когда они сделали что-то правильно. Ты просто продолжаешь лаять на них».

Терри Пратчетт

Боюсь, что лишь некоторые из тех, кто заинтересовался словарем, прочли первые его выпуски, поддавшись влиянию новизны, но читать все остальные и не собираются, а откладывают его в сторону до какой-нибудь okazji. Грустно, что приходится писать, заведомо зная, что современный читатель это не прочтет, что самое лучшее из всего, что мне удалось в отдельных статьях, будет использовано, быть может, через пятьдесят или сто лет, по всей вероятности, способным человеком, который возьмет на себя труд заново все переделать.

Якоб Гримм

Люди очень быстро дрессируются, когда видят между событиями устойчивые связи. Например, я случайно подпрыгнул бы на левой ноге – и на столе передо мной появилась бы бутылка с газировкой. Я бы сразу сообразил,

что прыжок дает воду. Хлопнул бы в ладоши – и появился бы цветок в вазе. Ага, хлопок = цветок. Опять ясно. И я тоже связал бы эти два события.

Не является ли и вся наша жизнь такой же закономерностью? Мы пытаемся поймать алгоритм, принцип, закон, но, возможно, ищем не там или плохо наблюдаем. Например, я подпрыгну в понедельник, а вода появится в четверг. Слишком много факторов для анализа. Слишком мало поступков от понедельника до четверга. Я никогда не свяжу эти события.

Но в каких-то главных моментах, когда я делал что-то очень плохое или случайно что-то очень хорошее, я ощущал, что поощряют меня сразу. И наказывают тоже сразу. Может, для того, чтобы я что-то понял и закрепил. Но я все равно чаще всего не понимал и не закреплял. Или отказывался верить, что связь есть. Или усложнял. Или мне было невыгодно верить. И в результате все равно делал то, что хочу я.

Из дневника невернувшегося иньира

Перед нами работа, требующая скорейшего выполнения. Мы знаем, что оттягивать ее губительно. Мы слышим трубный зов: то кличет нас к немедленной энергической деятельности важнейшее, переломное событие всей нашей жизни. Мы пылаем, снедаемые нетерпением, мы жаждем приняться за труд – предвкушение его славного итога воспламеняет нам душу. Работа должна быть, будет сделана сегодня, и все же мы откладываем ее на завтра; а почему? Ответа нет, кроме того, что мы испытываем желание поступить наперекор, сами не понимая почему. Наступает завтра, а с ним еще более нетерпеливое желание исполнить свой долг, но по мере роста нетерпения приходит также безымянное, прямо-таки ужасающее – потому что непостижимое – желание медлить. Это желание усиливается, пока пролетают мгновения. Близок последний час. Мы содрогаемся от буйства борьбы внутри нас, борьбы определенного с неопределенным, материи с тенью. Но если единоборство зашло так далеко, то побеждает тень, и мы напрасно боремся. Бьют часы, и это похоронный звон по нашему благополучию. В то же время это петушиный крик для призрака, овладевшего нами. Он исчезает – его нет – мы свободны. Теперь мы готовы трудиться. Увы, слишком поздно!

Эдгар По

Глава первая

Ежедневный быт творческих тараканов

Человеку свойственно прокалываться на мелочах. Например, я считаю свою знакомую Икс любящей спорить из-за ерунды, упрямой и неумной. Но если нужно будет убить полдня в пробках, чтобы отправить посылку со старыми сапогами для какой-нибудь неизвестной мне особы, то я сразу окажусь дико занят. Икс же сделает это как само собой разумеющееся. Поэтому иногда мне кажется, что на Страшном суде тоже будут сортировать людей по каким-нибудь страшно простым принципам, просто по поступкам: отвез посылку или не отвез; пустил переночевать, или у тебя оказались слишком маленький метраж и слишком храпящая теща. Ну и так далее.

Из дневника невернувшегося шныра

Рина возвращалась из нырка уставшая и вымотанная. В седельной сумке у нее лежала синяя закладка – крошечная раковина, вплавленная в камень и вспыхивающая, когда Рина к ней случайно прикасалась. Это была закладка ободрения, очень нужная одной не верящей в свои силы девушке. Рина потратила на ее поиски все утро и едва отыскала на приiske у Первой гряды.

Рина ныряла сейчас часто. Порой даже дважды в день, если первую закладку находила слишком легко и не успевала выбиться из сил. Ныряла и за себя, и за Сашку, и за Кавалерию, и за Яру, и за Меркурия – и за всех тех шныров, которые нырять не могли. Это было тяжело. Ныли руки, стертые о ручки саперки, тянуло плечи, болела спина...

Однако существовало и иное, о чем Рина никому не говорила. После тяжелейших нырков, после поисков закладки, после прохождения *болота*, после головной боли и плохо проведенной ночи она испытывала вдруг радость – неведомую, растворяющую, не этому миру принадлежащую. Радость была так велика, что Рина начинала плакать счастливыми, тихими, обильными слезами. Слезы эти – не слезы горя, а какие-то иные, особенные – приходили внезапно, без особого повода, и Рина чувствовала, что они были наградой. Такую награду порой получает каждый шныр: как уверение в том, что нырки – это счастье, это дорога, а не одни непрерывные страдания, тяготы и несчастья.

Но все же Рина оставалась Риной. В ней прекрасно уживались и нырки, и слезы, и... целая куча ее прежних творческих тараканов. И почти каждый день добавлялись новые. Очередным тараканом Риной стало то, что все свои вещи она теперь называла по именам. Она могла сказать: «Пока Андрюша кушает, я посижу на Арчибальде и почитаю Арнольда. Никто не видел Гришу и Федю? Ой, верни, пожалуйста, Гуниллу!»

Собеседник изумленно распахивал рот, ничего не понимая.

Рина терпеливо начинала объяснять.

«Андрюша кушает» означало «я заряжаю телефон», «Арчибальд» был единственным на этаже нормальным креслом, «Арнольд» – телефон. «Гриша» и «Федя» – тапки. «Гриша» – правая тапка, а «Федя» – левая. «Арон» – книга, которую она в настоящее время читала. «Гунилла» – электрический чайник. У Гуниллы было больше всего имен. Каждый шныр с подачи Риной называл ее по-своему. Витяра, например, называл чайник «Ой ты мать-то моя, дуся Альфонсина Сидоровна!».

Вернувшись из нырка, Рина позаботилась о пеге, отдала закладку и, приходя в себя, выполнила все успокаивающие ритуалы с Андрюшами, Арчибальдами, Арнольдом. Спрятала Гришу и Федю, чтобы их никто не утащил, вернула на место Гуниллу и вышла на улицу.

День был наполнен легкостью и радостью. Совершенно сказочный день. В Подмоскovie таких один-два за осень. На листьях дрожали капли воды. Рина брала листья на ладонь и, не отрывая их от веток, вытирала ими лицо. Она поймала себя на мысли, что, представляя осень просто перед монитором, допустим для книжки, в отрыве от самой осени, она не смогла бы представить и пятой части того, что существовало на самом деле. Красные, зеленые листья, желтые с прожилками, без прожилок, полосатые, алые с черным и бежевым, светло-розовые, с окантовкой, без окантовки. В прокусах червячков, с мелкими точками, с крупными. Попадались белые, серебристые, скелетированные серединки, семена, куски коры.

Рина отправилась к Зеленому лабиринту. На полдороге ей встретился Горшеня. Он торжественно шагнул через заросли, держа под мышкой ослика Фантома. Ослик болтался у Горшени в руках, на всякий случай делая крыльями вялые движения. Не то чтобы летел, а так, отмечался. Точно так же ведет себя собака, когда держишь ее над водой: машинально шевелит лапами, словно плывет. Рина хорошо знала, что даже среднего размера осел весит килограммов двести. Горшеня же нес его как хозяйка, переносящая через лужу небольшого мопса: без усилия, даже со снисходительным озорством.

Рядом с Горшеней шел Витяра и что-то оживленно ему доказывал. Горшеня останавливался и качал головой, не соглашаясь с ним. Витяра сердился, дергал себя за уши, размахивал руками и то и дело сердито восклицал: «От ты дуся! Да как же так! Вотанная же она тутонная!»

Увидев Рину, Витяра замолчал. Горшеня поставил Фантома на землю и несильно хлопнул его ладонью. Ослик, ничему не удивляясь, затрусил к пегасне. Вслед за этим оба – Горшеня и Витяра – развернулись и скрылись в зарослях, продолжая свой спор. Витяра опять подпрыгивал и размахивал руками. Горшеня же все так же качал головой.

– Могли бы хоть «здрасьте» сказать! – проворчала Рина. Но проворчала без обиды. Шныры обычно не заморачиваются с вежливостью, если чувствуют хорошее к себе отношение. Порой получается смешно. Если ты с человеком в хороших отношениях, ты почти не здороваешься или здороваешься нерегулярно. Если же в человеке не уверен и воспринимаешь его как источник возможных проблем, то здороваешься с ним порой даже дважды в день.

«Грустно как-то», – подумала Рина.

Возле лабиринта на полянке разгуливала Лара, ловила лицом осеннее солнце и разговаривала по телефону, выполняя ритуал «утреннего звонья». Рядом Фреда сажала косточку, которую нашла на *двушке* вплавленной в валун Первой гряды. Косточка походила на персиковую, и Фреде было интересно, прорастет она или нет.

Сажая косточку, Фреда невольно слушала и болтовню Лары. Говорила Лара всем поклонникам примерно одно и то же, часто повторяя: «Ну не зна-а-а-аю. Наверное, я не сма-а-а-агу!» К тому времени как Рина подошла, Лара закончила разговор и задумчиво (она нередко думала вслух) произнесла:

– У Андрея машина большая. А у Эдуарда маленькая!

Эдуард был банковский работник – верный поклонник Лары, который делал ей предложение руки и сердца строго раз в месяц и всякий раз сопровождал его таким букетом роз, что ослик Фантом поедал его потом целую неделю, травился удобрениями с голландских роз, характер у Фантома портился, и весь Шныр потом писал жестокие романы.

– У Эдуарда – восстановленный раритетный «Ламборджини»! – не выдержав, влезла Фреда. Ей хотелось задушить эту красивую курицу.

Лара посмотрела на нее бараными глазами:

– Вот и я говорю: старье какое-то! Сидишь в нем как курица на насесте. То ли дело у Андрея! Большая машина! Смотришь сверху – а все остальные машинки рядом такие малюсенькие!

Андрей был другой поклонник Лары.

– У Андрея грузовик! Он мебель возит, твой Андрей! – мрачно сказала Фреда.

– Во! Я и говорю: прям грузовик! Даже мебель помещается!

Фреда внимательно посмотрела на Лару и убедилась, что та всерьез не понимает, зачем нужна маленькая старая машина, когда где-то рядом ездит грузовик, в котором поместится концертный рояль. Что тут скажешь? Может, Лара тайная дочь Кузепыча? Тот бы тоже не понял.

У самой Фреды с любовью все было сложно. Она лет с двенадцати считала себя некрасивой и была убеждена, что эта часть жизни для нее навеки закрыта. На молодых людей она обращала внимания не больше, чем собака – на живопись Гогена. Молодые люди служили для Фреды источником раздражения, потому что были глупы, назойливы, тормозили, плохо выполняли задания и поручения. «Ну что с них взять? Маль-чи-ки!» – говорила Фреда, подражая своей учительнице русского языка и после каждого слога ударяла костяшками пальцев по столу.

Но примерно год назад Вадюша, случайно увидев Фреду в спортивном костюме, не подумав, ляпнул, что «вот! Идет красавица-спортсменка!». С чего он это ляпнул, он и сам не знал, само выскочило, но теперь Фреда раза три в неделю бегала в спортивном костюме по шныровскому парку, даже под дождем. Причем бегала, что интересно, в те часы, когда Вадюша там прогуливался. А он прогуливался ежедневно, совершая моцион по одним и тем же хорошо известным ему дорожкам.

– Браво! Физкультпривет! – всякий раз кричал ей Вадюша и показывал большой палец.

Шныры воспринимали бег Фреды поначалу спокойно, не усматривая в нем дополнительных смыслов. Ну, бегают и бегают. Родион вон тоже бегают, ест воробьев и спит зимой на заваленном еловыми ветвями костре. Ну и что?

Но тут, в самый разгар ее бега, случилась кошмарная вещь. Как-то на консультации перед экзаменом по истории, когда надо было перечислить всех основных шныров, живших за несколько веков, этапы строительства школы, парковую архитектуру, все тоннели в Подземье и т. д., Вадюша вдруг прервался посреди очень умной и длинной фразы, подушечками пальцев потрогал свою курточку и произнес:

– А мне... кгхм... сегодня приснилось, будто бы я иду по парку с девушкой-математиком. И она вся такая воздушная и вообще... кгхм... – Вадюша принялся торопливо наглаживать свою курточку, – очень хорошая девушка! И вот она говорит мне какое-нибудь число. Например, 587 485. А я сразу понимаю, что это пятьдесят шесть в квадрате. Она охает, хлопает в ладоши, целует меня... Потом другое число говорит. Допустим, 9 684 958. И я понимаю, что это девяносто пять в квадрате. И она опять радуется, опять восхищена тем, как здорово я все схватываю, и опять меня обнимает! Вот вы, вы, кто-нибудь, скажите какое-нибудь число!

Вадюше явно хотелось, чтобы число сказала Лара, потому что он все время посматривал на Лару, но Фреда ее опередила.

– Шестнадцать! – краснея, выпалила она.

– Шесть в квадрате! – на миг зажмурившись, произнес Вадюша.

Будь у Фреды немного больше практического ума, она начала бы охать и обнимать Вадюшу, тогда за минуту получила бы больше пользы, чем за год бега, но... увы... во Фреде ни к селу ни к городу проснулась отличница.

– Но простите: шесть в квадрате – это тридцать шесть! Вам всякий скажет, что тридцать шесть! – негодуя произнесла она.

Влад Ганич захохотал как гиена. Вадюша покраснел, затопал ногами и закричал:

– Какие еще тридцать шесть?! Где тут тридцать шесть?! А то девушка-математик не знает, кого во сне хвалить! Начинаем экзамен! Никаких консультаций! Взяли листочки, начали писать!

И Фреда получила трояк, хотя перечислила больше всех первошныров и если и сделала какие-то ошибки, то только от усердия и желания сообщить побольше дополнительных сведе-

ний. Так, например, у одного из шныров она указала бабушку и немного ошиблась в имени: вместо Аграфена назвала ее Анфисой. И Вадюша моментально к этому придрался, хотя указывать бабушку Фреду вообще никто не просил. И еще в другом месте в дате рождения она переставила две цифры. Вместо 31 написала 13. И опять Вадюша придрался, хотя было ясно, что это описка. Шныр никак не мог не вернуться из нырка раньше даты своего рождения.

В общем, вот так вот аукнулось Фреде это злополучное шесть в квадрате. Самое интересное, что посматривать на Вадюшу она после этого не перестала. Фреда обожала щелчки по носу. Они сердили ее и заставляли мобилизоваться.

* * *

Рина продолжала свою прогулку. Чуть подальше, у входа в Зеленый лабиринт, на короточках сидела Алиса и смотрела на богомолы. Богомолы встречались здесь и прежде, но не в таком разнообразии видов и не в таком количестве. Возможно, они пришли через то окошко над закладкой, которое когда-то показывала Рине Кавалерия. Похожие на инопланетян, богомолы неподвижно сидели и поджидали добычу. Одного крошечного, недавно вышедшего из оотеки¹ богомола Алиса перенесла в комнату и посадила в контейнер, где тот висел головой вниз, питаясь плодовыми мушками, которые разводились в лежащем на дне контейнера кусочке яблока. Алисе казалось, что она создала замкнутый цикл – маленькую самодостаточную Вселенную, где от нее, Алисы, требуется только наблюдать.

В целом Алиса мало изменилась. Разве что стала немного спокойнее. Но разница в спокойствии, как определяла Рина, была гомеопатическая. В целом привычки Алисы остались прежними. Она или пребывала постоянно в Зеленом лабиринте, или отправлялась в Москву. Ездила в Москву она всегда одна. Алиса сделала удивительное открытие: ее раздражают люди, более медленные, чем она, и более быстрые, чем она. Уютно ей только с людьми ее темпа. В Москве у нее был любимый высотный дом. В этом доме она каталась на лифте. Вообще не утруждала себя нажимать на кнопки. Просто стояла в углу, а ее возили вверх-вниз разные люди, постоянно заходявшие в лифт. Алисе было забавно: вот вызывает человек лифт – а в кабине непонятная девушка таинственно едет куда-то.

Если же лифт никто не вызывал, Алиса оставалась одна в замершей, с погасшим светом, кабине и представляла, что она вовсе не она, а, допустим, наклейка на стене. Вообще Алиса обнаружила интересную вещь: когда человек бежит, высунув язык, то и жизнь его проносится без вкуса, без запаха. Что можно увидеть на бегу? Только размазанную кашу из лиц, домов и деревьев.

Когда же человек надолго замирает на одном месте, к нему начинают во множестве слетаться мысли. Человеку внезапно становится ясно, что он не один в мире и не только его делами полна Вселенная. Он стоит ждет, а жизнь закручивает вокруг него водовороты и завихрения.

«А дерево? – размышляла в такие минуты Алиса. – Сколько же видит за свою жизнь дерево, которое вообще никуда не бежит, а просто стоит?»

А еще у Алисы постоянно продолжались ее пунктики. Они подплывали откуда-то извне, из темной недружелюбной незримости, и прицеплялись к ней. Мелкие, донимавшие как осы. Допустим, расческа лежит неправильно. Надо, чтобы зубчиками к окну, а не к двери. Алиса подходила и перекладывала ее. Или тапки у кровати касаются друг друга. Надо, чтобы не касались. Алиса наклонялась и раздвигала их.

Бывало, на неделю, на две она проваливалась в полудрему. Комната в ШНыре напоминала ей тогда маленькую медленную речушку с множеством затонов. Фреда, Рина, Лара, Лена

¹ Способ, при помощи которого отдельные виды моллюсков и тараканообразных откладывают яйца.

воспринимались не как люди, а как некие препятствия в реке, которые надо было обтечь, не столкнувшись с ними.

Почему-то вспоминались моменты из школьных лет. Вспоминалась мама, говорящая:

«Когда ты была невесть где, звонила психологиня. Говорит, что много о тебе думала. Психическое здоровье у тебя как у бройлерного цыпленка. Просто ты придумала себе картинку и пытаешься ей соответствовать. А когда нормальный человек длительное время притворяется психом, он со временем им действительно становится!»

Алиса вдвигала стул в стену так, что у папы в мастерской разлеталась какая-нибудь греческая ваза и начинало остро пахнуть клеем.

«Она ничего не соображает! У нее не мозги, а студень!!!»

«Ты не права! Она к тебе хорошо относится. Даже любит!»

«Психологины не могут любить! У них голова не так устроена! Они различают сто видов любви и пятьдесят видов родительского чувства!» – отрубала Алиса.

Вот и сейчас Алиса зачем-то повторила эти слова вслух и внезапно обнаружила, что она, оказывается, не одна. Рядом с ней кто-то стоит...

– Эй! Это я! Здравствуй! – сказала Рина.

– И тебе того же. Не болей! – отозвалась Алиса.

– Чего с тобой такое?

– Ни-че-го! Со мной всегда все прекрасно! Мне только забавно вот что: мужчина выбирает... ну, может выбирать всех женщин... хотя бы даже они его и отшили. Ну, отошлют – отряхнется, дальше пойдет! А женщина выбирает только из тех двух-трех, что обратят на нее внимание! Ну, мне, разумеется, на это наплевать!

Рина задумалась. Говорить Алисе правду было опасно. А то начнет еще секатором щелкать, которым она лабиринт подстригает.

– А ты попробуй не хамить всем людям, которые тебе случайно улыбнутся! – посоветовала она.

– Они не улыбаются! – сказала Алиса.

– Улыбаются. Но вообще-то тебе опасно улыбаться... Понимаешь? Ты всегда с таким лицом разгуливаешь. Ну представь: как если бы шел человек с включенной бензопилой. Лицо странное, стеклянное, ни на кого не смотрит. Ты бы его окликнула?

Реакция Алисы удивила Рину.

– Окликнула бы? Я? Конечно да! – Она внезапно расхохоталась. – Да, кстати, стой! Если кому-то интересно, передай там, что золотые пчелы вылетели!

Рина шагнула к ней:

– Ты уверена?

– Еще бы! Рой загудел. Потом пять пчел отделились и куда-то унеслись.

– Может, просто полетели нектар собирать? – спросила Рина.

– Не похоже. Они далеко улетели, не к лабиринту. И пчелы были какие-то не такие, – сказала Алиса с сомнением.

– В каком смысле?

– Слишком крупные, сияющие, но отлив не золотой, а как бы бронзовый. И другие пчелы их словно прогоняли. Как-то не нравились они им. Вроде бы подлетают, чтобы ужалить, как пчелы чужаков жалят, но что-то их останавливает. Будто спохватятся, что все-таки свои, обонялись. Потом другие подлетают жалить – и тоже спохватываются... И так и вьются вокруг клубком. А потом эти пять куда-то улетели.

– За новичками? – спросила Рина.

Алиса одарила ее долгим взглядом, от которого слабонервный человек впал бы в кому:

– Нет, за кефиром! Не хочу морщить мозг!

Рина хотела уйти, но тут Алиса заговорила опять:

– Я знаю, какими будут эти новички. Мнить себя крутыми, циничными, говорить ужасные вещи, а ночами будут плакать в подушку оттого, что им больно и плохо. – Голос Алисы звучал замогильно.

Рине стало страшно:

– Откуда ты знаешь?

– Да ниоткуда. Мы были такими же.

* * *

Уже больше двух недель Рина ничего не знала об отце. После того боя он просто пропал. Известно было только, что его зонт по какой-то причине оказался у Дениса, который нанес им удар *рогрику*.

Говорили, правда, что глава финансового форта ранен. Эти слухи расползались как-то сами собой. Непонятно из какого источника. Ссылались то на какого-то берсерка, то на копытовского таксиста, который ночью вез в город странных людей, один из которых постоянно разговаривал со своей куклой, и еще кого-то одного, бесчувственного, о ком тот, с куклой, говорил, что он пьян, но таксист-то видел, что не пьян он вовсе... Что он, пьяных не возил? Где-то на полдороге эти люди щедро расплатились и пересели в другую машину, за рулем которой была маленькая женщина, и этого своего «пьяного» тоже туда перегрузили, причем он и ногами даже не двигал.

Рина и верила этому, и не верила. Слишком страшно было допустить, что все это правда. По несколько раз в день она набирала телефонный номер – отец не снимал трубку. Она перезванивала раз за разом и слышала один и тот же женский голос: «Абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позднее!». Причем Рине почему-то казалось, что ей отвечает не фонограмма, а живой человек.

Слово «временно» сбивало ее с толку. Временно – это пять минут, от силы десять. Ну, пусть час, пусть три часа! Потом она опять перезванивала и слышала то же самое. Если раньше она упорно думала о нем как о Долбушине, то сейчас в ее мысли все чаще забиралось слово «папа». «Ну и где же, наконец, этот чертов папа?!»

Надо было узнать у кого-то еще. И вот Рина набрала номер Лианы. И опять ей отозвался тот же мертвенный голос: «Абонент временно недоступен!», и здесь он преследовал ее – женщина-робот была одна по обоим номерам... Рина немного подумала, большим пальцем, словно бесконечный рулон бумаги, пролистала телефонную книгу и позвонила Гамову. Спрашивать сразу об отце ей не хотелось, и она решила сыграть на опережение.

– Я скучаю!.. – выпалила она раньше, чем снявший трубку Гамов вообще открыл рот.

В трубке вопросительно молчали.

– Эй! – сказала Рина недовольно. – Ау! Связь, ты что, сломалась? А как же отозваться на признания молодого любящего сердца?

Трубка еще секунду растерянно помолчала, а потом красивый женский голос заторопился:

– Минуту, Анечка! Я сейчас позову Женечку! Он в ванночке, головку моет... Женечка, тебе звонит Анечка Долбушина!

Где-то зашумела вода, торопливо застучали по полу мокрые пятки, и в трубке возник голос Гамова:

– Привет! Я тут в полотенце замотался и выскочил! Погоди, дай голову вытру, а то вода в динамик заливается.

– Кто со мной говорил? – спросила Рина.

– Моя мама! Она в Москву на неделю прилетела, – голос то удалялся, то приближался. – Что ты ей такого сказала? У нее глаза были размером с тарелку.

– Да так, ничего. А с какой радости она назвала меня «Анечка»?

– А... ну она всегда так. Никогда не скажет «Татьяна Константиновна», а всегда «Татьяночка Константиновна», «тарелочка», «машиночка» и так далее... – попытался выкрутиться Гамов.

– Не хитри! Почему «Аня»?! – настаивала Рина.

– Э-э... ну это же ясно! Ты сохранена у меня в телефоне как «Аня Долбушина», а мама очень уважает Альберта Федоровича! Надеюсь, ты не сказала ей ничего лишнего? Она давно мечтает, чтобы... В общем, сама понимаешь!

Рина кашлянула:

– Нет, конечно. Просто неудачно пошутила. Пересохрани меня как «Рину» или убери из телефона вообще. Аня Долбушина! Классика конспирации, блин! Слушай! Я не могу связаться с... ну, в общем, с отцом. Не знаешь, что с ним?

Снова затопали мокрые пятки. Ощущалось, что где-то рядом замаячила мама, якобы принесшая сухое полотенце, и Гамов выискивает тихие уголки, где можно поговорить без помех.

– Слушай, – сказал Гамов негромко. Рина ощутила, что он смущен. – Тут такое дело. Альберта Федоровича ищут. Он ранен и скрывается. Его форт его защищает, само собой, так что не волнуйся.

Рина села на землю. Это было в шныровском парке. Вроде бы голова не кружилась, зато закружился весь мир.

– Опасно ранен? – выдохнула она с усилием.

– Не могу сказать. Как ты догадываешься, мне не докладывают.

– Ладно. Если чего узнаешь – позвони мне. Пока, – сказала Рина.

– погоди... – заспешил Гамов. – Подожди секунду!

– Ну...

– Ты иногда видишь... э-э... Насту? – спросил Гамов настолько незаинтересованно, что моментально выдал себя со всеми потрохами.

– Ну, допустим, иногда вижу...

– Ты можешь ей сказать, чтобы она мне позвонила? А то я почему-то никак ей не дозволюсь.

– У нее другой номер. Старая карточка испортилась, – объяснила Рина.

– Да? – удивился Гамов. – У меня почему-то никогда не портилась.

– А сколько раз ты стрелял в свой телефон из арбалета? Больше трех? А наконечники простые или бронебойные?

– Ясно, – сказал Гамов. – Так новый номер дашь?

– У нее теперь дурацкий кнопочный телефон. С собой она его редко носит, и он валяется по всему ШНыру. На нем народ в змейку играет, – сказала Рина устало. – А тебе вообще-то зачем ее номер?

– Понимаешь... – замялся Гамов. – Наста – прекрасный лебедь, который почему-то хочет оставаться гадким утенком... Ну то есть сам себе назло хочет остаться утенком... Что там вам во мне нравится? Волосы? Я их отрежу! Рост? Я буду сутулиться... Ну-с! Похвалите меня еще за что-нибудь! Я жду!

– Глупо, – сказала Рина. – Детский шантаж!

– Нет, тут сложнее... – перебил Гамов. – Наста... она очень искренняя. Но она трясет мир как клетку... Хочет в своей жизни что-то поменять, но не понимает, за что взяться, и все только ломает. Не видит себя по сторонам, не знает своих удач... не понимает, за какие черты характера ее любят, а за какие нет. Даже внешности своей не чувствует... Например, у нее красивый смех, но если я ей это скажу, она будет смеяться как Буратино, которого распиливали пилой-болгаркой и случайно наткнулись на гвоздь.

– Смотри не обманись! – посоветовала Рина. – Номер я, конечно, сброшу, но ты держишь Насту за глупую девочку, которую можно раздражить, влюбить в себя, поиграть и бросить. Но Наста не тебе чета. Она шныр. Причем такой, что в ущелья залетает, в каньоны, где можно с концами остаться... Ты рядом с ней птенчик!

– Правда? – спросил Гамов жадно.

– Правда. Ты принимаешь ее за гадкого утенка, но она если и превратится в кого-то, то не в лебедя. Она скорее беркут или степной орел, а тебе нужен хорошенький волнистый попугайчик... Это твой максимум!

Гамов сердито повесил трубку. Рине было все равно. Ее волновала сейчас только судьба отца. Она знала, что сейчас пойдет в сараюшку, найдет Сашку и будет плакать у него на плече. В конце концов, зачем-то же мужчинам нужны плечи!

Насту она встретила вечером, когда от Сашки вернулась в ШНыр. Вначале услышала сердитый звук автомобильного сигнала. К воротам подъезжала одноглазая «жирафа». За рулем сидел Кузепыч, колотивший ладонью по гудку. Наста высовывалась в окно машины и улюлюкала, едва не задевая головой столбы. У ворот Кузепыч затормозил. Выскочил из машины и, не удержавшись, стукнул кулаком по крыше.

– Слушай, ешкина кошка! В следующий раз пойдешь пешедралом! Жить тебе надоело?! Чего на ходу из машины выскакиваешь?!

– Да вы не волнуйтесь! Я на гарантии в медпункте! – успокоила его Наста.

– Да ясельный перец, на гарантии! А в дорожных рабочих зачем было *пнуфом* стрелять?

– Это были не дорожные рабочие. Они только маскировались под дорожных рабочих! – заявила Наста.

– А если не маскировались?

– Ага! На грунтовой дороге чинили асфальт! Еще бы! Хороший асфальт на дороге не валяется!

Кузепыч задумался. Это и правда было странновато.

– Хм... А где же тогда валяется? То есть ты бабахнула в дорожных рабочих только потому, что они были на грунтовой дороге? – уточнил он.

– А что бы я еще успела разглядеть? Вы же гоните как на пожар! – заявила Наста. – Все равно же не попала!

– Ты в них целилась!

– С пятнадцати метров. Из едущей машины. Это не стрельба, – отмахнулась Наста.

Кузепыч безнадежно махнул рукой:

– Топай отсюда, а то придушу! Стой, якорный пень! Захвати с собой пару пакетов из багажника!

Наста взяла один пакет, Рина другой, и они потащили пакеты на кухню к Суповне. Наста неслась как конь, хотя пакет ее был вдвое тяжелее. Рина не удивлялась этому. Двигательная энергия, заключенная в Насте, непрестанно заставляла ее переноситься из одного места в другое. Смысл этих перемещений если и существовал, то был сокрыт в глубинах самого человека, поскольку никакого наружного смысла многие ее метания не имели.

Оказалось, что в Копытово Наста заходила к Улу и Яре.

– И как они? Ребенка видела?

– Прикольный. На руках его держала. Держишь – он тебе на всякий случай улыбается!

– Почему на всякий случай? – удивилась Рина.

– А мало ли! Ему на шарике глаза и рот нарисуй – он и этому шарiku улыбаться будет. Типа: не лопай меня, я твой друг! Я тоже так хочу!

– Улыбаться? – Рина никак не могла привыкнуть к перескокам мысли Насты.

– Нет, жить в чистенькой квартирке. Муж, семья и все такое. Шторы себе новенькие повесила, в ванной стиралка. Сидишь себе такая вся добренькая-предобренькая, правильная-преправильная! Сидишь и всех поучаешь! – с досадой произнесла Наста.

– Яра никого не поучает.

– Еще как! Ты просто не замечаешь!

– Гамов просил твой номер телефона, – вспомнила Рина.

– И ты дала?! – взвилась Наста.

– Угу. Скинула эсэмэской.

Наста остановилась и повернулась к ней всем корпусом. Рина испугалась, что Наста сейчас будет орать. Но Наста сунула руку в пакет и стала искать там что-нибудь такое, что можно съесть прямо сейчас.

– Ну и молодец, что дала. Я его отправлю в Арктику. У меня есть отличный *пнуф*, как раз для него, – с величайшим удовлетворением произнесла Наста.

Расставшись с Настой, Рина стала размышлять, как было бы хорошо, если бы каждый человек мог в двух словах объяснить другим свою жизненную программу. Написал бы на футболке, чего он хочет получить от мира. Один написал бы: «Согласен на честный обмен! Буду делать что-то для других, если другие будут делать что-то для меня». Алиса написала бы: «Отвалите от меня, но не оставляйте одну! Я в себе запуталась!», а Фреда: «Всем дрожать и восхищаться!»

А вот что написала бы она, Рина, на своей? Хм... Хороший вопрос! А вот непонятно что. Почему-то про себя понять это сложно, только про других запросто.

Глава вторая

Штопочка идет в Сибирь, но остается в Копытово

Маркиз дю Грац отбирал фрейлин по поручению супруги наследного принца небольшого немецкого княжества. В замковый зал, скромно потупив взоры, входили девушки – дочери местных дворян. Их было около сотни, и многие отличались красотой.

– Двадцать один, двадцать девять, шестьдесят! – негромко сказал маркиз дю Грац.

– Что «двадцать один, двадцать девять, шестьдесят»? – спросил его граф де Лавалье, пьяница, буян и дуэлист, стоящий рядом с ним.

– В меня могли бы влюбиться девушки номер двадцать один, двадцать девять, шестьдесят. С остальными бесполезно. Об стену можно расшибиться – результат будет нулевой... Ну это я все чисто теоретически, разумеется. С девушками двадцать один, двадцать девять и шестьдесят я буду подчеркнута противен и осторожен. И во фрейлины их тоже не отберу.

– А почему именно двадцать один, двадцать девять и шестьдесят? – спросил Лавалье.

– Сложно объяснить. Но откуда-то я это знаю!

Граф де Лавалье задумался:

– Пожалуй, вы правы, маркиз! В таком случае: сорок один! – произнес он неуверенно.

– Что «сорок один»?

– Меня могла бы вытерпеть только девушка номер сорок один! Но как, разрази меня гром, мы это чувствуем?! – выпалил граф де Лавалье.

ВВР (внутренние воображалки Рины)

Когда-то давно, когда Копытово считалось населенным пунктом всесоюзного значения и производило иголки, шила, вязальные спицы и рыболовные крючки для шестой части земного шара, в нем решили построить клуб. Причем такой, чтобы не ударить лицом в грязь и потрясти по меньшей мере ту же шестую часть земного шара. Клуб строили не в центре Копытово, а на поле между Копытово и Наумово, которые на генеральном плане Подмосковья предполагалось слить, дополнить новыми кварталами и воздвигнуть из них новый подмосковный город, не меньше Электростали. И клуб строился уже с замахом, чтобы обслуживать все это будущее величие.

Однако прежде чем клуб был воздвигнут, произошла одна из невеликих русских революций не то 91-го, то ли уже 93-го года. Игольный завод закрылся, и клуб, построенный больше чем на две трети, забросили. В Копытово его называли «Пентагон», потому что у него было пять сторон, а посередине большой двор, в котором, по скромному замыслу архитектора, должен был помещаться кинозал под автоматически сдвигающимся куполом.

Колоссальное здание быстро ветшало. По пустым коридорам бродили местные подростки, били уцелевшие стекла и писали баллончиками свои мысли. Мысли эти были очень пестрые, часто нецензурные, но одна из них выбивалась из общего ряда. Она занимала всю стену между вторым и третьим этажами. Мысль эта была: «Господи! Это я! Люби меня!»

Родион и Штопочка питали странную привязанность к этому огромному недостроенному зданию. Нередко они прибегали сюда и носились по многочисленным запутанным лестницам, гоняя подростков. Правда, бывали случаи, когда Штопочка начинала подкармливать их булками и поить чаем из термоса – она отличалась непоследовательностью.

Сейчас Родион сидел на крыше Пентагона и, свесив ноги в пустоту, смотрел с высоты на надоевшие ему домишки Копытово. И эти домишки, и неровное поле, и все Копытово казались ему утопающими в грязи. Все тускло, серо, ни одного яркого пятна! Единственным, что притягивало и радовало взгляд, было оранжевое полотенце у кого-то на балконе. И то: едва Родион жадно присосался к нему глазами, как вышла женщина, сняла полотенце и унесла.

– Вот бы ее грохнуть! – сказал Родион. – Интересно, из арбалета добьем? Нет, далеко...

– Перестань! – сказала Штопочка.

Она стояла рядом с Родионом и смотрела на то же, на что и он, но смотрела иначе, без драматизма. Штопочка ко всему на свете относилась просто, как к данности. Не искала нарочитых трагедий, видовых картин и ярких пятен судьбы. Даже занеси ее жизнь куда-нибудь на Колыму, она и там нашла бы немало хорошего – конечно, если бы рядом был кто-то, о ком можно заботиться.

– Говорят, у ведьмарей есть делибаш². Вроде Танцора или Верлиоки. Но Танцор и Верлиока ради псиоса летали... А этому просто нравится убивать! Он летает на гиеле с красными глазами. Вот бы вступить с ним в бой и погибнуть, но и его с собой утащить, – сказал Родион.

– Ой, не начинай! – сказала Штопочка, морщась.

И Родион покорно перестал. Фраза «Ой, не начинай!» – волшебная фраза. Она ломает повторяющуюся психологическую игру, особенно если произнести ее с интонацией Штопочки. Как-то сразу одергивает и мешает войти в роль.

Родион стал бродить по крыше и, толкая носком ноги спекшийся рубероид, тосковать. Он ненавидел ШНыр, самого себя и свою теперешнюю жизнь.

«Надоело. Устал. Свалить отсюда, опять поселиться в бабкиной квартирке – и все. И наплевать. Шныры там, ведьмари, нырки... Один раз живем!»

Ему вспомнился случайный разговор с Афанасием, состоявшийся вчера в амуничнике пегасни. Родион, вернувшийся из нырка, вошел в амуничник и бросил под ноги Афанасию влажное, еще пахнущее болотом седло.

– Как меня все достало! – брякнул Родион.

Афанасий быстро взглянул на него. Челка у Афанасия была уже ниже глаз, поэтому он слегка смахивал на пони.

– Да ничего тебя не достало. На тебе лес можно возить. Просто тебе нужна женщина, причем не просто как женщина, но и жена нужна, семья! Якорь какой-то, цель существования помимо ШНыра. Все твои метания от этого! – сказал он.

Тогда Родион рассердился, а теперь думал, что Афанасий, пожалуй, прав. Отсутствие рядом женщины было самым главным, самым тяжелым его искушением. Он один об этом знал. Хотя почему один? И Афанасий догадывался, и *болото* знало. И показывало Родиону именно женщин, когда он пролетал по тоннелю. Никаких сложных видений, детских травм, забытых обид... Я вас умоляю, зачем? Насаживай самую простую приманку – это всего вернее.

Недавно, возвращаясь с *двушки* с закладкой, Родион засмотрелся на молоденькую шатенку. Поначалу презрительно, убежденный, что сумеет противостоять *болоту*. Уж он-то знает его уловки! Но уже через восемь секунд отпустил поводья и, наполненный темным жаром, едва не прыгнул в *болото*. Спасла его случайность: ботинок провалился в стремя, а когда Родион потянулся его выпутывать, то лбом и пылающим лицом коснулся гривы пега – и тотчас разобрался, что красавица, с которой он собрался разделить вечность, присосалась щупальцами к стенке, а рот ее смотрит черным распахнутым провалом, внутри которого кипит какая-то вязкая, явно желудочного происхождения жидкость.

«Нет... Пора валить... И с нырками прекращать. Или в следующий раз точно засяду... Я уже не держу удар», – угрюмо подумал Родион.

² С тюркского – «удалой воин, лихой наездник».

Но мечтать о женщине, для которой ты будешь всем и которая будет любить тебя, в конце концов, нормально и естественно. И Ул женился, и Афанасий встречался с Гулей, и Вовчик с Оксой, и много других случаев знала история ШНыра. Но вот только Родиону женщины нравились особые, не совместимые со ШНыром. Женщины, которые, он чувствовал, быстро перечеркнули саму возможность нырков и приведут его в лучшем случае к пнуйцам, а в худшем – и к ведьмарям. Женщины, которые привлекали его, все были одного типа: самовлюбленные, ухоженные, холодные и эгоистичные. В каждом их движении, каждом дыхании, каждой улыбке жил уютный кошачий эгоизм, желание устроиться получше, ничего не отдав взамен, кроме, быть может, снисходительного одаривания самим фактом своего присутствия.

Родион испытывал к ним притяжение, похожее на ненависть. Неизвестно, презирал ли он их больше или любил. Ему хотелось схватить такую женщину, встряхнуть ее так, чтобы у нее зубы щелкнули, поцеловать, покорить и... отбросить, как побежденного в рукопашной схватке берсерка. Такие женщины запоминают только опережающую боль, а по большому счету, вообще ничего не запоминают. Память требует энергозатрат, а это биологически неэкономично, и могут появиться морщины.

Сколько раз Родион говорил себе, что все это бред. Любить такую женщину он не сможет, и матерью она не будет хорошей, и его, Родиона оставит раненым, больным или просто неудачливым, как львицы легко бросают и выгоняют своего раненого или просто постаревшего льва. И все это Родион прекрасно понимал, но все же влекло его именно к таким ухоженным, холодным, капризным красавицам, притяжение к которым было тем сильнее, чем больше Родион их презирал.

«Все. Сейчас прихожу в ШНыр и говорю, что я... Нет, лучше ничего не говорить, чтобы не отговаривали... Просто беру вещи – и адью. Потом напишу сообщение Улу и отключу телефон, чтобы не приставали», – подумал Родион.

За спиной у него что-то щелкнуло. Родион обернулся. Штопочка стояла, держа в одной руке раскрученный бич, а в другой за крылышко большую зеленую муху, которую она протягивала прыгающему на краю крыши воробью.

Видя, что осторожный воробей не приближается, Штопочка бросила муху, и воробей тотчас, схватив ее, улетел. Штопочка засмеялась, а Родион вдруг подумал: зачем чего-то искать? Вот тут, всего в полтора шагах, стоит девушка, которой он нравится. Девушка, согласная бегать с ним по лесам и разделить любую судьбу.

«Ну вот же... – сказал Родиону внутренний голос. – Вот тебе твоя женщина! Чего тебе еще надо? Люби ее!»

– Ты могла бы пойти за мной в Сибирь? – внезапно спросил Родион.

Штопочка перестала сворачивать бич и удивленно посмотрела на него.

– Че? – спросила она.

– В Сибирь за мной пошла бы?

Штопочка хорошо подумала:

– Не, обломись... Я не подписывалась. Далеко.

«Вот... – подумал Родион. – И этой ты не нужен».

Штопочка о чем-то продолжала размышлять.

– Нет, ни за что... – повторила она и вдруг с покорной мольбой в голосе добавила: – Может, хоть полдистанции на поезде? Еще ж рюкзаки тащить... Хоть рогом упрись – больше восьмидесяти кэмэ в день мы не сделаем... Да и восемьдесят не сделаем, от силы шестьдесят... Да и зима на носу.

Родион вначале не понял, о чем она, а потом понял и расхохотался.

– Ты думала – бегом? – спросил он. – В Сибирь бегом?

– Э-э... – сказала Штопочка. – А как еще? Я думала, ты об этом.

Штопочка глядела на Родиона, и глаза у нее были простые и ясные. И вся Штопочка была простая и ясная, начисто лишенная кокетства. А вот женственность у нее была, но женственность испуганная, неуверенная в себе, дикарская. Как-то она попыталась накрасить губы и появилась в столовой в платье – и это напугало весь ШНыр. Не потому, что Штопочка стала страшной, напротив, она похорошела: все вдруг увидели, что у Штопочки есть ноги, руки, шея, есть даже грудь – вообще все есть, что должно быть... но все же Штопочка в платье... это было как-то непривычно, разрыв шаблона.

И Штопочка, ощутив всеобщую растерянность, тоже как-то поникла, некстати стала грубить, кажется, даже врезала Вовчику за какую-то его гримасу, а на другой день вновь появилась в драном ватнике и с бичом вокруг пояса.

– Так что, бежим в Сибирь? – спросила Штопочка, не понимая его взгляда.

Родион смутился.

– Ну... – сказал он. – В Сибирь попозже. Пока в другое место. Тут близко... Так, двадцаточка через лес. Причем там даже болот особых нет. Почти посуху пройдем.

Штопочка рассеянно кивнула. Для нее двадцатка через лес было все равно что для обычной женщины «сахар с кухни не принесешь?». И не важно, что двадцатка в одну сторону автоматически означала двадцатку, а то и тридцатку обратно до ШНыра.

– А куда? – спросила Штопочка.

– Увидишь. Оружие на всякий случай есть? У меня шнеппер, нож и десяток пнуфов...

Штопочка щелкнула бичом:

– А что, этого мало?

– Да по-всякому может сложиться. Ладно, побежали!

* * *

Пройти посуху, как обещал Родион, у них не вышло. Они бежали вдоль грунтовой, сильно раскисшей дороги. Трава вокруг дороги была по колено, а кое-где прямо к грунтовке подходил сплошной кустарник, и тогда приходилось прыгать между расползающимися колеями от лесовозов. Несколько раз лесовозы обгоняли их, и тогда из кабин на Родиона и Штопочку таранились громадные круглые лица, похожие на небритые арбузы.

– Не, ну дела... Лесовозы убитые, тормозов нет, двери без стекол. А ненормальными считают нас! – сказал Родион.

– А мы нормальные? – спросила Штопочка.

Родион поскреб подбородок и побежал дальше. Километров через восемь он свернул с грунтовой – там, где в лес ныряла едва заметная тропинка, тянущаяся вдоль берега ручья. Еще через пару километров Родион замедлился и дальше уже почти крался, стараясь не шуршать листьями и не трещать ветками.

– Обойди вон там! – шепнул он Штопочке, кивнув на рощицу молодых, тесно растущих деревьев.

Не успела Штопочка сделать и трех шагов, как в рощице что-то словно взорвалось, и навстречу им выскочил молодой лось. Уставился на них, на миг застыл и рванул в противоположную сторону. Летел он как стрела, не разбирая дороги, и как спички сносил сухие деревца.

– Мощный, да? – восхищенно спросил Родион. – Ты их еще в глубоком снегу не видела! Несется – а из-под него снег фонтаном, как из-под снегоуборочника.

И опять Родион побежал своим неутомимым и неспешным волчьим бегом. Примерно через четверть часа они со Штопочкой вырвались из чащи на лесную дорогу и, добежав до разветвления, остановились у нового, недавно установленного стенда:

«Охраняемый воспроизводственный участок.»

Охота и все виды хозяйственности запрещены».

Родион посмотрел на стенд и усмехнулся. Дальше дорогу преграждал шлагбаум, сваренный из толстых труб. За шлагбаумом стоял военный грузовик, в кузове которого был смонтирован вагончик с торчащей из него трубой.

– «ГАЗ-66», «Шишига»! Первый бескапотный армейский автомобиль! – представил Родион. – Может ездить по полному бездорожью – при условии, что рядом будет нормальная асфальтовая дорога, по которой к нему станут непрерывно подвозить запчасти. В целом, машина неплохая. Застрывает только между деревьев в лесу или в стене поселкового магазина, когда после свадьбы у друга не вписался в поворот.

Внезапно голос у Родиона изменился и в движениях появилось нечто хищное. Вокруг «Шишиги» бродил обросший щетиной здоровенный егерь и изредка глубокомысленно толкал носом ботинка грязевые подушки на колесах.

– А вот и он... Егерь местный. Повалился тут охотников пускать... – прошептал Родион, прижимаясь к дереву так, что выглядывала только голова.

– Так ведь нельзя же?

– Нельзя. Но если денег дадут, то, оказывается, можно, – признал Родион.

По другую сторону шлагбаума, отделяющего воспроизводственный участок от грунтовки, стояли белая «Нива» и джип. До джипа, «Шишиги» и шлагбаума было метров шестьдесят. Родион использовал шныровский «бинокль»: средним пальцем левой руки коснулся левого глаза, а указательный палец поместил на вспыхнувшую *русалку*.

– Удачно они его изгваздали! Особенно трогательно смотрится забрызганный задний номер на относительно чистом багажнике! – одобрил Родион.

Рядом с джипом стояли четверо мужчин в новом камуфляже и о чем-то договаривались с хозяином белой «Нивы» – местным типом с синей борсеткой на пузе.

– Просто семейная идиллия! – сказал Родион. – Егерь притворяется, что ничего не видит. Деньги получает хозяин «Нивы». Он же находит и клиентов. Далее охотники перегружаются в «Шишигу» и едут к кормушкам. Там небось каменную соль заложили. Она для лосей – как для ведьмариков псиос.

– Чего болтать? Идем! – И Штопочка пошла к шлагбауму.

Родион, планировавший подобраться по-тихому, попытался затащить ее за дерево, но опоздал. Штопочку уже заметили, и Родиону ничего не оставалось, как просто идти с ней рядом.

Охотники и егерь смотрели настороженно. Но, видно, девушка в телогрейке и ее спутник опасными им не показались. Егерь поднырнул под шлагбаум и преградил им путь:

– Куда?! Нельзя! Охранная зона!

– Нам нельзя, а этим можно? – Штопочка кивнула на охотников из джипа. Те стояли тесной настороженной группой. Три спокойных мужичка в возрасте и один помоложе, лет двадцати пяти – рыжеватый и на вид задиристый.

– А с этими я сам разберусь! – сказал егерь и, видя, что Штопочка собирается перемахнуть через шлагбаум, попытался сгрести ее за ворот.

Штопочка врезала ему в челюсть. Верзила осел на землю. Мужичок с борсеткой кинулся к «Ниве». Внешне неспешно раскрутив завязанный вокруг пояса бич, Штопочка сделала им широкое просторное движение – и бич обвил бегущему ногу. Штопочка дернула, и он упал.

– Лежать и думать! – приказала она, подкрепив свои слова длинным ударом вдоль спины. Верзиле егерю одного удара, как видно, было недостаточно. Он поднялся, трогая челюсть.

– Не вздумай! – сказал Родион устало.

Заросший егерь качнул головой, что-то медленно соображая.

– Остынь! – повторил Родион.

Егерь покосился на кабину «Шишиги», где у него осталось ружье, но к кабине не побежал, а неспешно вынул нож. Хлопок бича прозвучал как пистолетный выстрел. Нож выпал. Не дожидаясь, пока верзила его поднимет, Родион дважды врезал ему. Верзила свалился. Он лежал моргал, злобно глядя на Родиона, но не вставал. Что-то подсказывало ему, что лучше не подниматься. Родион подошел к «Шишиге», вытащил из кабины ружье и разрядил его.

– Это было последнее предупреждение. Еще хоть выстрел отсюда услышу – тебе конец!

Верзила угрюмо молчал.

– Эй, ты, как там тебя! Мы заплатили за охоту! – с угрозой произнес кто-то.

Родион повернулся. За его спиной стоял тот молодой, из приехавших на джипе. Карабином он пока не угрожал, но держал его так, что можно было легко им воспользоваться. У его спутников ружья были пока в чехлах, и они их не извлекали. Не хотели проблем. Хотели просто сесть в джип и уехать. Этот же рвался в бой.

– С тем, кому вы заплатили, разбирайтесь сами. Охотиться здесь нельзя. Это заказник, – сказал Родион.

– А тебе что за дело? Зверья много развелось. Контроль численности.

– Правда, что ли? В Подмоскowie если какой-то контроль и нужен, то только контроль численности контролирующей численность, – хмыкнул Родион.

Глазки ретивого зарыскали по лицу Родиона.

– Что ты сказал?! А ну поднял руки! Живо! – взревел он, вскидывая карабин.

На *нерпи* Родиона полыхнул *лев*. Прежде чем охотник дотянулся до предохранителя, Родион выхватил у него карабин и узлом завязал дуло. Потом забросил его в кусты. Лицо у парня побледнело. Он хорошо представлял, какая сила нужна, чтобы проделать такое с оружейным стволом.

– Значит, ты охотник! Отдохнуть на природе решил, – одобрил Родион. – Но со зверями надо на равных. А то что? С вышки палить, как охранник на зоне? Хочешь охоту – будет тебе охота!

Родион наклонился, поднял нож егеря, выбитый у него из руки бичом Штопочки, и вручил его парню. Тот сначала испугался его брать, но потом вцепился в нож и выставил его вперед, защищаясь.

– Взял нож? – спросил Родион. – Отлично. Нож у тебя теперь есть. А вот и вилы... Не идеально, конечно, но при должной сноровке сойдут за рогатину!

Он сдернул вилы с борта «Шишиги», где они крепились рядом с лопатой, и бросил их к ногам парня.

– Зачем? – заикнулся тот, по-прежнему держа в вытянутой вперед руке нож, чтобы Родион к нему не приближался.

– Сейчас ты отправишься в... Где мы последний раз бродили? – Родион повернулся к Штопочке.

– Мы много где бродили, – лаконично отозвалась она.

– Ну где на медведя напоролись?

– А, это у Ханты-Мансийска, – сказала Штопочка.

Переноситься с помощью *сирина* в разные точки карты – одно из немногих шныровских преимуществ. Конечно, нужно, чтобы на месте можно было зарядить *нерп*, а то с обратной дорогой возникнут сложности.

– Вот! Я как раз про это! Не исключено, что ты окажешься нос к носу с крупным бурым медведем. Не забудь другой конец вил в землю упереть, когда медведь на тебя пойдет. И это, кстати, байка, что медведь перед нападением встает на задние лапы, подставляя горло и грудь. С какой радости он будет в лесу врагу сердце и горло подставлять? Это цирковые мишки так обниматься лезут. Чаше он бросается на четырех лапах, и невероятно быстро. Ну а если вдруг раздумаешь геройствовать – отходи назад медленно и по диагонали. Но это еще до того, как

колоть начнешь! Потом поздно будет! Главное: ни в коем случае не беги! Удачи тебе, боец, и доброго отдыха на природе!

Парень тупо и недоверчиво слушал, но в вилы вцепился, как до этого в нож.

Родион больше не обращал на него внимания:

– Помнишь тушу задранного лося? Где мы его в прошлый раз видели? Представила? Давай!

Он взял Штопочку за руку, а свободную ладонь положил на вилы, за которые упорно держался горе-охотник. Что-то полыхнуло. Первый раз тускловато-молочно, словно заполняя пространство по контуру, а во второй раз ярко. Парню бы бросить вилы и отскочить, но он продолжал дергать их к себе.

Когда слепящий контур погас, стало видно, что охотник исчез. Штопочка уставилась на свою *нерпъ*, *сирин* которой был теперь совсем тусклым.

– Никак не привыкну, что так можно, – сказала Штопочка.

– Можно! – подтвердил Родион. – При двух сильно заряженных *сиринах*. Еще месяц назад было бы нельзя. Сейчас при сильной закладке можно.

Он обошел шлагбаум и короткой дорогой направился в чашу. Вспомнив о чем-то, остановился и повернулся к остальным охотникам и егерю:

– Если вдруг надумаете вытащить вашего приятеля, запомните: Кондинский район Ханты-Мансийского автономного округа. Болот многовато, зато места там, виды – закачаешься! Только комарики беспокоят. – И Родион нырнул в овражек.

Штопочка нагнала его метров через двести, у тропы, по которой они сюда пришли:

– Не слишком мы круто с тем парнем? Егеря-то ты почти не тронул, – сказала она с укором.

– Да ничего этому парню не будет... Медведь небось тушу ободрал, завалил ее листьями и ушел. Парень там пару дней поскитается, в листе поночует, ума наберется, комариков покормит, а потом я его вытащу! – недовольно отозвался Родион.

Больше времени на разговоры они не тратили. Им надо было бежать обратно, немного поспать, и дальше Родион уходил в новый нырок. Жизнь вокруг двигалась, и надо было двигаться самому.

Глава третья

И пришло к тебе дерево и сказало...

Человек падает, а потом поднимается. Сегодня он может быть плохим, гадким, грязным, а завтра что-то в нем переменится. Он станет мерзок сам себе, а потом словно кокон грязи лопнет – и он повернет на сто восемьдесят градусов! Это оттого, что в человеке непрерывно, до последнего его вдоха, действует свет из-за гряды, стараясь до него достучаться. В эльбах свет уже не действует. Тот остаточный, что был, они постепенно растеряли. Дальше эльбы становятся только хуже и хуже.

Кавалерия. Из карандашных записей на обложке нот

Гай сидел в кресле перед старым камином, П-образный портал которого был украшен причудливым орнаментом. Из сильно отличающихся между собой камней с величайшим искусством были выложены горы, лес и дикие летающие звери. Если всмотреться, становилось понятно, что все эти камни когда-то содержали в себе закладки. Гай любил, закрыв глаза, провести по ним рукой. Бывало, какой-нибудь камень отзывался памятью былой закладки, и Гая на миг словно обжигало. Словно входил он в ледяную воду или в лицо ему дул резкий ветер.

Камин был недавно растоплен и еще толком не разгорелся. Гай любил эти минуты, когда камин медленно теплеет и из него выкатываются первые волны горячего воздуха, смешанного с дымом, проскользнет порой искра, замечется в воздухе. В эти минуты внутри камина оживали звуки и голоса.

Рядом с Гаем стояли Тилль, Белдо и Арно. Тилль, огромный, толстый, громоздился как фельдфебель, выставив вперед большой живот и держа руки по швам. Белдо шнырял вокруг кресла как ящерка, касался плеча Гая, отскакивал к камину, что-то лепетал, двумя пальцами подбрасывал в камин какие-то выпавшие щепочки и что-то виновато бормотал себе под нос, будто извиняясь перед щепочкой, что ее побег из огня не удался.

Арно стоял с большой папкой в руках, из которой торчали края обкусанных временем бумаг, и глядел на Гая блестящими хитрыми глазами. Эти глаза словно говорили: «Мы-то с вами знаем, что все тут дураки! На свете есть только два умных человека: вы и я...» Где-то же на самом дне глаз Арно жила и другая мысль, которую глаза точно и произнести боялись. Мысль эта была: «Мы-то с вами знаем... точнее, вы не можете этого знать, что умный человек тут только я!»

Гай не мешал Арно считать, что умный тут только он, как не мешал и Белдо, и Тиллю оставаться такими, какие они были, и мнить о себе то, что им хотелось мнить. Для Гая люди давно были чем-то вроде инструментов, каждый из которых годился для совершения какого-то строго определенного действия. Шило – для того, чтобы колоть. Ручка – чтобы писать. Топор – чтобы рубить. Были инструменты сложные, редкие, которые Гай старался беречь, а были легко заменяемые. Рядовые берсерки, например, или гиелы.

Одного Гай не знал, того, что человек всегда сложнее любого представления о нем.

Из камина вылетела большая искра. Она летела медленно и будто не решила еще, что ей делать дальше. В полете она подергивалась то вправо, то влево. Думая, что искра холодная, Гай позволил ей сесть ему на руку и только потом – секунду или две спустя – ощутил ожог. Он поморщился – больше от досады, что просчитался, чем от боли.

– Арно! Покажи нам бумагу! – приказал он.

Секретарь засуетился, с ненужной поспешностью открыл папку, и то, что лежало сверху, выскользнуло из нее на пол. Обычный двойной лист из школьной тетради подлетел к ногам Тилля. Тот попытался наклониться, чтобы поднять его, но ему помешал большой живот. Глава форта берсерков все больше становился похож на одышливого французского бульдога, когда тот на кривых лапах ковыляет по улице. Все же Тилль справился. Закряхтел, присел и, подняв бумагу, протянул ее Гаю.

– Благодарю вас, Ингвар! Вроде бы мелочь, но вот что забавно! И Белдо, и Арно ловчее вас, но когда надо, помощь почему-то приходит от вас от первого! – задумчиво, словно решая сам с собой какой-то вопрос, сказал Гай.

Тилль опять закряхтел, на этот раз от удовольствия, и с торжеством оглянулся на Белдо и Арно. Толстое лицо его было красным от недавнего усилия. Арно, скрывая ревность, глядел в пол. Дионисий Тигранович же с обычным своим кокетливым видом только плечиками пожал.

– Каюськаюськаюсь! – скороговоркой, словно звал кошку к миске, отозвался он.

Гай взял у Тилля лист, расправил его на маленьком столике и откинулся назад, приглашая всех подойти и посмотреть. Первым подбежал Дионисий Тигранович, делая в воздухе такие движения ручками, будто летел. Он же первым разглядел, что на листе отмечены Первая гряда, Вторая гряда, а между ними – довольно подробно – Межгрядье, занимающее практически весь центр листа. Скалы замыкались неровным полукругом, а в середине росли деревья с длинными выгнутыми корнями.

– Надо же, какие корни! Просто как ноги! – воскликнул Белдо.

Гай искоса взглянул на лист:

– Ну почему же «как»? Эти корни и есть ноги. Деревья ходят на корнях. Митяй Желтоглазый называл их Странствующими Ивами. Рождаются они у озера, которое окружено скалами. Ущелье узкое, тесное, и вот молодые деревца, чтобы их не затеняли взрослые деревья, разбредаются по Межгрядью. У них начинаются годы странничества. Крошечные такие деревца, поначалу не больше спички, но резвые. Бродят по Межгрядью, пьют воду из луж, охотятся за каплями росы и постепенно растут. Когда дерево становится взрослым, оно возвращается к родному озеру, вырастает там в землю насовсем и... рождает новые деревья, которые опять разбегаются по всему Межгрядью. И так век за веком.

Белдо заахал, выражая свой восторг. Тилль и Арно слушали молча, терпеливо дожидаясь главного. Им было ясно, что Гай позвал их не на урок ботаники.

– Видите полукруг скал на рисунке? Это замкнутое, почти идеальной формы ущелье с единственным выходом из него... – продолжал Гай, очеркивая его ногтем. – Лично я там никогда не был. Знаю о нем от Митяя, хотя молодые странствующие ивы, бывало, встречал. Как-то уснул я в Межгрядье, а когда проснулся – у меня по лбу ползали два крошечных дерева и пили капельки пота. Я вначале подумал, что это насекомые, и осторожно пересадил их на траву...

Тилль удивленно шевельнулся. Ему не приходило в голову, что ползущее по коже насекомое можно не убить, не смахнуть, а посадить на траву.

– А кто это все набрасывал? – спросил Белдо, внимательно разглядывая тетрадный лист.

Он уже сообразил, что это рисовал не Гай, и уж конечно, не Митяй Желтоглазый. Лист был хоть и не новый уже, но глянцевого – и дышал тем временем, когда школьные тетради печатались либо на хорошей атласной бумаге, либо на бумаге желтой, пористой и газетной. Эта бумага была атласная. Ручка по ней скользила, а чернила, не впитываясь, размазывались. Были заметны надрывы от железных скобок.

– Это рисовал перебежавший шныр... Отличный был шныр. Нырял в Межгрядье. А однажды оказался у нас.

– Взял закладку? – улыбаясь, спросил Арно.

– А вот и нет. Даже закладки не брал, – сказал Гай.

Лицо Арно дрогнуло, потеряв усмешку. Тилль непонимающе заворочался. Он только-только переварил, что Гай сажал на траву ползающие по нему живые деревья, а тут еще кто-то отказался от закладки.

– Как не брал? Почему? – сипло удивился Тилль.

– Просто не взял, и все. Сдулся, устал, потерял радость. Выгорел, одним словом.

– Как «выгорел»? – спросил Арно.

– Да очень просто. Все как сейчас: осень, дожди, солнца мало. Наш шныр стал раздражаться, хуже нырять. Военкомат повестки присылает. Девушка бросила, родители между собой перессорились, разводятся, ну и все остальное паршиво... Потом он опять полюбил. Пчела привела в ШНыр девушку, хорошую. В первый или второй полет она не заметила электрического провода и разбилась. Даже на *двушке* не была. И опять вопросы, опять сомнения. Зачем пчела ее приводила? Кому нужна эта бесполезная смерть? И он всерьез обиделся на *двушку*.

Гай начал как будто иронично, кривя губы, но под конец голос его уже громышал и глаза горели.

– Не испытывай судеб, – с комическим пафосом произнес Дионисий Тигранович.

– Это – да. Но как не испытывать? Испытываем же! Почему старый глухой дед вышел из лифта до того, как тот оборвался? А юноша, который успел заскочить в кабину именно потому, что старый пень, выходя, задержал ее, разбился вдребезги. Отчего?

– Рука providения? – предположил Арно.

Гай недовольно дернул головой:

– Скажи еще: естественный отбор! Хотя фактор лифта в естественный отбор вроде бы не входит! Нет, искать справедливости – это не смешите моего эльба! Нет ее!

– А может, юноша дальше бы испортился, а старику что-то надо было еще успеть понять? – предположил Белдо, поддразнивая Гая. Глава магического форта умел провоцировать легко, изящно, с невинным, вдохновенным лицом.

Гай усмехнулся, оценив как довод, так и побуждения Белдо:

– Без сомнения, все так и было, Дионисий! А может, и нет. Если падает самолет, то разбиваются все, кто в самолете, включая грудных детей. И что? Их специально туда собирали, всех, кому полезно было умереть?

Старичок зацокал языком. Он жалел и деток, и себя, и Гая. Всех жалел.

– Да, – продолжал греметь Гай. – Да, нам был дан естественный закон! На поле выпущены миллиарды игроков, но как сложится мозаика, что будет с игроками и в какой конфигурации они окажутся в следующую минуту – этого не знает никто. Хотя, конечно, я видел Вторую грядку, за которой, говорят, для нас готов новый мир, и не надо мне объяснять, что все живое на Земле возникло из одной случайно мутировавшей амебы. Но я вижу и другое! Я вижу, как люди ломаются под тяжестью жизни!

– Человеку дана свобода выбора, – сказал Белдо и опять быстро высунул и спрятал язычок.

– Выбор – прекрасно! – упрямо сказал Гай. – Но какой выбор? Пойти за пчелой, а потом размазаться по асфальту, задев провод? Какая чушь! Все равно что чихнуть на ослабленного, едва стоящего на ногах человека, а потом сказать ему: «У тебя свобода выбора – заболеть или выжить!»

Белдо наклонил голову, прижав подбородок к груди. Он наслаждался тем, что говорил Гай. Тилль ничего не понимал и легонько позевывал, дожидаясь, пока закончатся разговоры и прозвучат понятные ему приказы.

– Вот и этот мальчишка-шныр все думал, все искал понятной ему справедливости, все больше осуждал, сомневался, охладевал, и поэтому когда однажды при выходе из нырка на него направили арбалет, он почти охотно, как мне говорили, полетел к нам на базу... Возле этого камина мы с ним и сидели.

Гай оглянулся. У него была хорошая память. Раз пережитое он ощущал как ныне существующее. Порой Гай думал, что в нем это от эльба. Человек не может иметь такой яркости воспоминаний. Во всяком случае в этом мире, пока то, что сейчас мягко и пластично, не стало еще вечным, неизменным и страшным. Вот и сейчас Гай так остро вспомнил все прошедшее, что ему казалось, что парень – маленький, взъерошенный, с примявшимися под сдернутой шапкой волосами – и сейчас еще стоит сбоку от камина и недоверчиво, почти свирепо взглядывает то на огонь, то на Гая. Но сейчас на этом месте переминался с ноги на ногу толстый Тилль.

Да, забавный был парень! Наивный, сердитый! Все обвинял в чем-то шныров, Гая, *двушку*, но не обвинял себя. А ведь человек – любой человек – при всей своей кажущейся сложности очень цельная сущность. У него очень простой и повторяющийся алгоритм отношения к чему бы то ни было. Память привычных состояний, которые заставляют тебя поступать... привычно, находя в этой привычности, быть может неверной, безопасность и успокоение. Ты или убегаешь, или сражаешься, или сдаешься, или не сдаешься, говоришь или «я не могу», или «я могу». Принцип всегда один. И у парня, возможно, где-то здесь была трещинка. Под нагрузкой трещинка расползлась, и человек разлетелся на осколки.

– Он долго пробыл у нас? – спросил Арно, хмуря лоб и пытаясь припомнить, кто же это был. Маленький Арно не любил чего-то не знать.

– Не очень. И было это еще до твоего рождения, Арно, – успокоил его Гай. – Мы с ним сошлись, хоть и спорили. Он любил меня до ненависти и ненавидел до любви. Его так и тянуло что-то мне доказывать! Сидит, бывало, напротив меня, положив сжатые в кулаки руки на стол. А по столу ползает его золотая пчела. Живая, бодрая, сердитая, но крылья обожженные. Он кричит, думает, что что-то доказывает мне, а на деле разубеждает сам себя! Я помалкиваю, потому что вижу, что он движется в нужном направлении. В такие минуты лучше человеку не мешать... Он сам себе все докажет. В конце концов нашему шныру наскучило спорить с самим собой, и он сделал мне вот этот подарок!

Гай самодовольно покрутил на столике лист. Лицо у Дионисия Тиграновича просияло. Старичок что-то вспомнил.

– Я знаю, о ком идет речь! – воскликнул он. – Когда я учился в ШНыре, о нем еще вспоминали! Это же его убил не совсем покойный Клавдий, мой предшественник?

– Совершенно верно, – подтвердил Гай. – Я при этом присутствовал. Клавдий позволил себе отпустить нечто ехидное по поводу его пчелки. Наш шныр вспылil, выхватил у моего охранника арбалет и выпустил в Клавдия болт с трех шагов. Станным образом вышло, что он промахнулся и болт попал в него самого. Через час он умер.

Страдая от желания закурить, Тилль гонял в губах незажженную сигарету.

– Клавдий что, развернул болт в воздухе? Вы бы так сумели, Дионисий? – прогудел он.

Белдо закрыл глаза и грустно покачал головой:

– Я – нет. Клавдий владел векторной магией. Нет у меня его талантов. Бедный я, бедный... Как бы я хотел поменяться с ним местами! – И старичок запечалился.

– Вы действительно хотите поменяться местами? Я могу узнать в *болоте*. Клавдий, как я понимаю, не просто так назван «не совсем покойным»? – негромко спросил Гай.

Дионисий Тигранович испуганно замахал ручками:

– Что вы! Не надо! Нельзя воспринимать все так буквально! Да, у меня нет его даров, но есть какие-то свои, маленькие, совершенно устраивающие меня способности!

Успокоив старичка, Гай поманил его к себе и с ним вместе стал рассматривать нарисованные шагающие деревья в полукруге скал. В качестве схемы или карты рисунок был далек от идеала. Было ясно, что искомое место находится в Межгрядье, где-то напротив закругления ручья. Ручей же – это знали все – закруглялся еще перед Первой грядой. Шныры любили искать там закладки, которые падали в воду с раскрошившихся скал.

– Да, найти будет непросто! – сказал Гай.

– А зачем искать? – прошептал Арно и отодвинулся немного назад, словно и не он это сказал.

Внимательные глаза Гая скользнули по обезьяньему личику секретаря, перебиравшему ужимки и выражения, как девушка перебирает предметы у себя в сумочке. Арно был похож на хорошенькую обезьянку. Он и жесты порой делал совершенно обезьяньи. Например, правой рукой через голову начинал пощипывать свое левое ухо. И спину чесал смешно, занося руку не назад, а снизу, через живот и дальше через бок. Можно было подумать, что Арно постоянно тревожат блохи, хотя он был чистоплотен и костюмы менял каждый день.

– Скажи, Арно, ты когда-нибудь читал Библию? – спросил Гай.

Вопрос был таким неожиданным, что секретарь не сразу нашелся как отреагировать, и лицо его на миг застыло без всякого выражения.

– У моей бабушки была Библия. В черной твердой обложке. У нее были очень тонкие страницы, а между ними лежали засохшие цветы, – наконец выдавил он.

Гай понимающе усмехнулся. Он привык, что Арно никогда не отвечает «нет», чтобы не показаться неосведомленным. Например, если спросить его «Не видел мою трость?», а Арно не будет знать, где она, то он не скажет «нет», а ответит: «Вчера она была у вас в руке, когда вы гуляли в саду».

– Помнишь Эдемский сад? Историю с яблоком, изгнание Адама и Евы из рая и что поставлен был ангел с мечом, чтобы не впускать их назад? А вдруг не впускающий ангел – это Вторая гряды?

– А плоды на райских деревьях, конечно, закладки? – спросил Арно, наблюдая за пальцами на своих сомкнутых руках. Пальцы были так спутаны, что Арно сам не понимал, какой палец какой руке принадлежит.

– Почему бы и нет? Закладки-ягоды мне встречались. Отчего бы за грядой не существовать деревьям, у которых каждый плод – закладка? Однажды, когда Матрена Аляпова заболела, Митяй принес ей фрукт – странный на вид, светящийся, почти горящий. Он разрешил ей съесть мякоть, а вот к косточке прикоснуться не позволил. Более того, нырнул с ней назад на *двушку*. Специально нырнул на *двушку* ради косточки! Недурно, а?

Белдо, сидевший тихо, как мышка, подался вперед:

– Косточка был несвоевременной закладкой? А мякоть тогда чем?

– Она спасла Матрене жизнь.

– А почему Митяй не оставил косточку в хранилище несвоевременных закладок? Оно уже существовало?

– Да. Однако там были все же не самые опасные закладки. Те закладки, которые никак не должны были находиться в нашем мире, Митяй оставлял на *двушке*. У него был тайник в Межгряде.

Дионисий Тигранович втянул воздух носиком:

– У Первой гряды?

– У Первой гряды был общий тайник всех первошныров. Там мы держали закладки, которые могли пригодиться сегодня или завтра. Например, найдешь две-три красные закладки в один нырок – и лишние оставишь в тайнике, чтобы при случае не тратить время на поиски... Или кто-то возвращается пустым – всякое же бывает, – вот и прихватит что-нибудь. Но существовал и другой тайник – личный тайник Митяя! Он не любил о нем рассказывать. Хотя большинство первошныров все равно знали, что такой тайник у него есть... Сергиус все, помнится, пытался выпросить, какие там закладки, но Митяй отшучивался. Мне кажется, совесть у него была неспокойна. От *двушки* ему не поступало извещения завести тайник, а он завел.

– То есть поступил против воли *двушки*? Митяй? – недоверчиво спросил Арно.

Гай подставил ладонь под клуб сизого каминного дыма, точно желая поднять его и понести, но дым просочился у него между пальцами.

– Да! – подтвердил он. – Митяй, конечно, любил порассуждать, что если какую-то закладку брать не нужно, то ее не нужно брать с самого начала, а не таскать по *двушке* с места на место. Тебе разрешили ее трогать? Нет! Вот и ступай себе дальше!

Гай так хорошо передразнил Митяя, что Белдо, чуткий к таким вещам, впервые в жизни услышал голос знаменитого первошныра. И Дионисий Тигранович, к удивлению своему, осознал, что Митяй, которого он представлял себе чем-то вроде мудрого старца, никогда им не был. Вообще не был старцем – ни мудрым, ни каким-либо еще. Был мальчишкой, ушедшим за Вторую грядку.

– Но одно дело рассуждения, и совсем другое – поступок! – продолжал Гай. – Порой Митяй находил что-то настолько ценное, что рука не поднималась оставить. И вот где-то в Межгрядье он завел себе тайник. Кроме несвоевременных закладок там были и плоды из райского сада. Митяй рассказывал: все было как во сне. Он не понимал, сад это или не сад. Ему чудилось, он спит и срывает плоды, а потом оказалось, что они действительно у него в руках.

В Арно пробудился секретарь:

– А опись существует какая-нибудь?

– Какая еще опись?

– Закладок из тайника Митяя.

Вопрос был таким нелепым, что даже Тилль захохотал.

– Очнись, Арно! Какая опись? – сказал Гай. – Вспомни, какой был век! «Поганые пришли откуда не знаем, и куда удалились, не вем». И это государственная летопись! Данные внешней разведки, так сказать! Правители дарили друг другу целые княжества, закрепляя это на куске кожи, которая в торжественных случаях наматывалась на палку, украшенную серебряными бляшками. Чаще же обходились и без бляшек. Говорили: дарю тебе земли от реки такой-то и скакать на восход солнца, пока не падет лошадь. И практика показывает, что лошади в таких случаях оказывались живучими...

– Значит, списка закладок нет?

– Нет, конечно. И места, где находился тайник Митяя, никто не знал. Ну до того момента, пока этот перебежавший шныр однажды не полетел за шагающим деревом и не обнаружил ущелье! Какая жалость, что он ничего не взял из тайника!

– Может, ввел в заблуждение? Не взял в первый раз – мог взять во второй! – с подозрением отозвался никому не верящий Арно.

– Увы, не мог... Когда некоторое время спустя он захотел вернуться и взглянуть еще раз, *двушка* не пропустила его дальше Первой гряды. Несколько дней сомнений сделали свое дело. *Двушка* ощущает малейшие изменения в нашей душе. – Гай провел рукой над огнем, впитывая жар ладонью.

– Значит, он был уже другой? – спросил Белдо.

– Да. Он усомнился и потерял настрой. Сколько раз встречал людей, которые непременно стали бы героями, если бы случай для подвига подвернулся чуть раньше! Вот отставший от роты солдатик сидит в кустах с винтовкой и с единственной гранатой и ждет немецкий передовой мотоцикл. Он полон решимости: появись немцы сейчас – он бросил бы гранату и стрелял бы, пока не закончились патроны. Но идет дождь, немецкая разведка не едет, а вокруг такая тоска, такая сырость, такая безысходность. Да еще туман на дороге – влажный, липкий. Солдатыка охватывает отчаяние. Он понимает, что все бесполезно. Война проиграна. Он закидывает гранату в канаву, после чего бредет по лесу не разбирая дороги и сутки спустя, обессиленный, сдается первому попавшемуся обозному румыну, который сам пугается больше него, не зная, что делать с пленным. Он и стрелять не умеет, этот румын, потому что его призвали вместе с лошадью и телегой. А потом солдатик мучительно умирает в плену от холеры... А все потому, что немцы не появились часом раньше, когда он был готов к подвигу.

– Да-да-да! – закивал Белдо. – Совершенно типичная история! Шныр перегорел, и *двушка* больше непустила его в Межгрядье. Но он не ошибся? Вы уверены, что он действительно видел тайник?

– Я ему поверил. Откуда бы еще он мог узнать про Странствующие Ивы и скалы, замыкающиеся полукругом? Вот бы найти это место и дотянуться до него!

Гай сказал это небрежно, но все, бывшие в комнате, мгновенно ощутили, что ради этого их сюда и собрали. Арно выпрямился и, вперившись в Гая взглядом, задрожал как ожидающий команды охотничий пес. Дионисий Тигранович улыбался уклончиво и мягко. Тилль стоял как болванчик, изредка двигая губами. Вся его мимика была настолько укрыта под толстым слоем жира, что по его лицу невозможно было что-либо прочесть.

Гай смотрел на огонь. Его зрачки впитывали отблески, ничего не отражая. Казалось, он поглощает огонь как черная дыра. Так же, как его руки недавно втягивали тепло. Но, видимо, где-то внутри огонь все же согревал пустоту Гая.

– Первые годы ШНыра были годами счастливой анархии. Это потом уже возник кодекс ШНыра и общий опыт, оплаченный кровью и ошибками. Не вдыхать испарений *болота*, не считать себя умнее эльбов, не надеяться на себя, не пускать сияние закладок дальше кисти, а лучше – не дальше фаланг пальцев. Десятки мелких правил и уловок, вроде той, что грива пега, если уткнуться в нее лбом, отгоняет наваждения *болота*. Я однажды даже зубами в нее вцепился. Знаете вкус лошадиного пота, смешанный со слизью *болота*? А я вот знаю!

Голос Гая звучал мирно, однако умненький Белдо предпочитал не встречаться с ним глазами. Торжественный, серьезный, старичок смотрел в пол и равномерно, согласно кивал, как кивает слон, шлющий поклон слонихе.

– Наше знание оплачивалось дорогой ценой. Поначалу же мы не боялись ничего. Трогали солнце руками, и оно не обжигало нас, потому что мы не боялись обжечься... Золотые пчелы, крылатые кони, *двушка*... мы воспринимали все как чудо! Понимаете – чудо, но обыкновенное! Мы не удивлялись чуду! Наш мир был полон чудес. Слону, пингвину или жирафу мы удивились бы даже больше, чем пегу или гиели! Это сейчас мы зажаты сознанием! А тогда чудо было законным... Человек не мнил, что чего-то там знает! Он ощущал себя маленьким, но счастливым! – Гай замолк. Он настолько глубоко нырнул в свои воспоминания, что слова куда-то ушли, как река порой уходит в песок. Слова – это тень памяти. Когда память становится совсем яркой – слова исчезают.

Лишь когда у Тилля, неосторожно перенесшего свой вес с левой ноги на правую, хрустнула коленка, Гай, очнувшись, вскинул голову.

Тилль виновато засопел. Когда-то в молодости у него был перебит нос, и теперь при резком выдохе появлялся дополнительный свистящий звук.

– Ингвар! Вы, конечно, слышали, что каждого человека ожидает на *двушке* своя закладка, которая должна дополнить его до полноты физической, душевной и духовной красоты? – обратился к нему Гай.

– Обойдусь! – просопел Тилль.

Гай весело взглянул на его рыхлые щеки.

– Это, конечно, правильно! – одобрил он. – Но от силы, ловкости, способности ходить по воде и так далее вы бы не отказались?

Тилль угрюмо взглянул сверху вниз на свое брюхо, давно мешающее ему видеть ноги:

– Нет, конечно.

– Существуют и иные дары. Бодрость духа, способность никогда не угасать, постоянное умение радоваться... не отказались бы? – Тут Гай взглянул уже на Белдо. Старичок смутился, вспомнив свою коллекцию счастливых предметов.

– Ах-ах! – восхищенно прошуршал он.

– А дальше начинаются проблемы выбора! Представьте, что на одной тарелке лежит самопожертвование, а на другой, допустим, здоровье. И взять можно только что-то одно. К чему протянется рука?

– Я в доноры не записывался! – ухмыльнулся Тилль.

Белдо тактично опустил глазки. В данный момент он походил на отличника, которого завуч распекает вместе со всем классом за плохо написанную контрольную. Отличник знает, что написал ее прекрасно, но все равно считает нужным пригорюниться и, виновато кивая, выслушать нотацию, так что вскоре завуч, не чувствуя издевки, будет обращаться к нему одному.

Гай поднял глаза и посмотрел не на лицо Тилля, а на всего Тилля в целом.

– В том-то и сложность, дорогой вы мой! – сказал он голосом, зазвеневшим множеством мелких стекол. – Выбери вы самопожертвование – вы попали бы на *двушку*, за Вторую грядку. И там получили бы здоровье даром! И кучу всего другого тоже.

– Эльб меня побери! – буркнул Тилль.

– Да, Ингвар, да... Мы не верим *двушке*, пытаемся сами решать, что нам нужно – и ошибаемся. Например, бабочке нужны крылья для порхающего полета, на которых она, делая непредсказуемые прерывистые движения, улетит от любой птицы. Сама же бабочка – позволь ей кто сделать выбор! – возможно, пришла бы к выводу, что ей нужны огромные клыки, чтобы рвать птиц в клочья. И вот она обзаводится клыками, а так как она все же бабочка, то даже взлететь с ними не может.

– ...И ее съедают муравьи, – скромненько произнес Дионисий Тигранович, на секунду опередив Арно, который хотел сказать примерно то же самое. В результате Белдо получил тот одобрительный взгляд Гая, который достался бы его секретарю. Арно мысленно взревновал.

– Но с другой стороны... – умоляюще продолжал Белдо, – с другой стороны, если уж взять эту бедную неразумную бабочку – что ей делать теперь, когда ее выбор уже совершился? Вот она лежит с тигриными клыками, и ее кусают муравьи.

– А как насчет отказа от клыков? Признать, что сделал ошибочный выбор? Попросить прощения? Пройти весь трудный обратный путь? Пусть бы даже лечение было мучительным. Митяй, уверен, выбрал бы такой вариант, – заметил Гай.

– А если нет? Если я буду стараться, а меня возьмут и не простят? Какие гарантии? Может, бабочке лучше питаться теми, кто наклонится, чтобы ее пожалеть? – с милой улыбкой сказал Белдо.

Гай усмехнулся:

– Вы радуете меня, Дионисий!.. В каком-то фильме была фраза: «Если вы еще раз назовете меня хищником, я скормлю вас своим детям!» Такое чувство, что вы ею тоже вдохновляетесь!

– Да-да, – пропел старичок. – Но скажите, Митяй что-то рассказывал о закладках в тайнике? Может быть, случайно проговаривался?

Гай потрогал пальцем незамкнутый круг камней на листе:

– Редко. Но однажды... не знаю уж, что на него нашло... он рассказал Матрене об одной закладке, а она рассказала остальным... Знаете, как это бывает. Доверьте секрет всего одной женщине – и можете не оплачивать рекламу.

– А что это была за закладка?

– Закладка бессмертия, – криво усмехнувшись, сказал Гай.

– Бессмертие! – воскликнул Белдо. – Но позвольте: мы же и так, в некотором роде, бессмертны, разве нет?

– Да, – сказал Гай. – Но люди бессмертны ТАМ и ПОТОМ. Тогда же, говорят, осуществляется и перерождение. Человек обретает новое тело с новыми свойствами. Не боится огня, воды, проходит через пространство и так далее. А это было бы бессмертие еще здесь, на земле.

– И как бы это работало?

– Да очень просто. Клетки бы делились без ошибок. Органы бы не старели, инфекция бы нас не разрушала, исчезли бы все болезни. Люди жили бы сотни лет и погибали бы только от несчастного случая. Победили же люди чуму и туберкулез – так почему бы не победить и смерть? А как работало бы? Тот, кто слился бы с этой закладкой, стал бы бессмертным сам. И, возможно, со временем мы научились бы передавать это бессмертие от человека к человеку.

Тилль облизнул губы:

– И почему Митяй оставил такую сильную закладку на *двушке*?

– Он считал, что это будет искусительное бессмертие. Такое, от которого тяжело отказаться, и одновременно не такое, которое ждет человечество за Второй грядой.

– Но как все же заманчиво! Быть всегда здоровым, юным! – выдохнул Белдо.

– Да-а... – протянул Гай. – На одной чаше весов – вечная молодость, медицина, сменные органы, клонирование, лекарства, заселение иных космических систем... то есть нечто реальное, последовательное, основанное на логике и физике. А на другой – невнятные грезы о *двушке*. Зачем рисковать? Не лучше ли взять то, что дают? И наш добрый желтоглазенький Митяй считал этот выбор настолько тяжелым, что ничтоже сумняшеся лишил все человечество бессмертия, которое запросто мог бы пронести через *болото*! Хорош, а?! За всех все решил, даже глазом не моргнул!

– Может, он понял, что нельзя делать бессмертными всех? Только лучших. Планета всех не прокормит, и начнутся войны... – озабоченно сказал Арно.

Арно мгновенно представил, как он входит в огромный зал, где горят свечи и стоят тщательно отобранные люди... и он, Арно, проходя мимо их строя, торжественно одаривает их вечностью. А вокруг четырехугольником сомкнулась гвардия бессмертных... лучшие бойцы всех народов, которых он, Арно, одарил вечностью, чтобы они защищали его...

Все эти мысли проскочили в сознании Арно за какую-то секунду. Гай поднял руку и мягким пальцем коснулся его лба.

– Остынь, Арно! Ты увлекся, дружок! Никто не знает, что Митяй увидел в первый миг, когда коснулся закладки... *Двушка* многие вещи объясняет не словами, а вспышкой, прозрением... А что именно он увидел, он не рассказывал ни мне, ни Матрене. Возможно, закладка показала ему, как люди, приняв такое бессмертие, превращаются в эльбов. Как вам человек, скрещенный с эльбом? – И Гай мелко, неприятно и вызывающе засмеялся.

Ни Тилль, ни Белдо, ни Арно не моргнули и глазом. Они знали, как нужно себя вести, когда Гай так смеется. Этого надо просто не слышать.

– Да, – продолжил Гай. – Человечество – версия 2.0, улучшенная, продвинутая, перепрошитая! Не мечтают ли люди об этом и сами? Десятки фильмов о мутантах и сверхлюдях, фантастические книги, попытки редактировать генные цепочки? Почему бы не скрестить человека с дельфином, с птицей, с медузой? Да, непривычно – но лишь поначалу! А сколько возможностей откроется! Можно, например, населить океан или Марс. Смогут ли люди остановиться на пороге? Не смогут ведь, Дионисий! А тут *болото* предлагает нам руку помощи! Мы вместе против *двушки*! Наш мир даст жизнь их задохнувшемуся миру!

– Это будет означать вечный союз! Разве эльбы враги? Они наши братья! – сияя, воскликнул Белдо, однако Гаю что-то не понравилось в его интонации:

– Не юродствуйте, Дионисий! Вы так пафосны, что слышать от вас серьезные вещи просто больно! Постоянно кажется, что вы издеваетесь. Но в целом это действительно означает союз. *Болото* предлагает нам эту закладку! Не для себя просит – нам предлагает! Про псиос я не говорю: тут они вообще готовы снять все ограничения!..

– А в чем обратная сторона медали? – вдруг быстро и застенчиво спросил Белдо.

– Какая обратная сторона? Что-то я вас не понимаю, Дионисий! То у вас братья и дружелюбный союз, то вдруг вы ждете подвоха!

Старичок смущенно заерзал:

– Я понимаю, но все-таки немного боязно. Что не так с этим бессмертием?

– Да что с ним может быть не так?! – отдуваясь, рявкнул Тилль. – Что вы такое городите, Белдо?!

– Но позвольте, Ингвар! – продолжал старичок, начиная спорить с Тиллем, потому что это было не так страшно, как спорить с Гаем. – Вдруг это бессмертие от закладки будет как бессмертие бройлерной тушки цыпленка в морозилке? Она не портится – но она и не живет! Не умрет зерно – не родится колос... Так, кажется, в какой-то книге...

Тут произошло нечто для старичка неожиданное. Круглое лицо Тилля исчезло, а перед Белдо возникло узкое дергающееся лицо Гая. Загнутым как рыболовный крючок пальцем Гай подцепил Белдо за ворот и притянул к себе. Жутко стало старичку. Запах от Гая был особенный, не человеческий. Так пахнет старый медицинский жгут, долго пролежавший в коробке с лекарствами. И сила в худых, очень холодных руках Гая была нездешняя. Даже показалось Белдо на миг, что не Гай с ним сейчас говорит, а тот, кто с ним слился...

– Поздно, друг мой, вы спохватились! – тихо прозвенел Гай. – Настоящей вечности захотели? Раньше надо было беспокоиться. Теперь берите же что дают! И пока дают! Вы меня понимаете?

Дионисий Тигранович закивал так трусливо и мелко, что со стороны казалось, что он трясется. Гай неотрывно смотрел на него, своим взглядом придерживая глаза Белдо и мешая ему опустить их.

– Прошу вас... не надо... – залепетал напуганный старичок.

Гай, опомнившись, пригасил взгляд и приветливо улыбнулся:

– Ну, раз просите! Итак, что скажете? Попытаемся взять эти закладки или согласимся с Митяем, что *двушка* лучше знает, когда и какие дары нам давать?

Голос Гая кипел деятельностью, и Белдо, откликаясь на нее, повел себя как старая кляча, услышавшая звук кавалерийской трубы. Полузакрытые глазки его широко распахнулись.

– Дают – бери, бьют – беги! Я думаю, надо брать! – сказал он.

– Прекрасно! – кивнул Гай. – Я не сомневался, что вы поболтаете-поболтаете, а потом остановитесь на этом решении. Итак, как будем добираться до тайника? Из нашего мира или напрямую? Кто из шныров сейчас ныряет в Межгрядье? А, Арно?

Галочкой отметив в сознании слова «из нашего мира», но пока отложив размышления об этом на потом, Арно ответил:

– В Межгрядье – только Ул. Меркурия мы подстрелили... Кавалерия не может нырять.

– А из перспективных?

– Перспективных много... Витяра. Родион под вопросом. Быть может, Рина, Наста... Даня? Макар? Афанасий? – перечислил Арно, имеющий на средних и старших шныров отдельную картотеку и постоянно пополняющий ее. – Яра вот, кстати, тоже. Хотя пока она не у дел.

– Яра... – с непонятным выражением повторил Гай. – И как у нее дела?

– Родила! – поведал Белдо и, чтобы лучше выразить восторг, ударил себя по груди кончиками пальцев. – Прекрасный малыш! Младочка тут ходила в магазинчик и случайно встретила их недалеко от автобусной площади. Желтая коляска, на Яре желтая куртка, шапка тоже желтая. Просто одуванчик! И рядом идет Ул, весь такой ответственный, правильный. Младочка, знаете, не склонна к эмоциям, но даже она умилилась! Счастье! Истинное семейное счастье!

– Млада ездит в копытовские магазины? Из Москвы? – невинно спросил Арно.

– Ну да, – восторженно закивал Белдо. – Оазис, истинный оазис! В Копытово чудеснейшая сельдь атлантическая. Где еще в наше полиэтиленовое время заворачивают сельдь в промасленную бумагу! И где пекут такой хлеб, что каждая буханка имеет свою форму, а по краям отпечатываются такие, знаете ли, дырочки от креплений! Если Младочка современная жен-

щина, она что – должна все время сидеть дома, смотреть в потолок и есть «Фурм д'Амбер» с голубой плесенью?

Тилль пошевелил бровями. Видимо, пытался вспомнить, что такое «Фурм д'Амбер».

– А что ребенок? Как выглядит? – спросил Гай.

– Ну как может выглядеть ребенок в закрытой со всех сторон коляске? Несколько квадратных сантиметров красного лица, а все остальное – комбинезон и разные утробные звуки. Но родителям он, конечно, кажется, совершенством, – отозвался Белдо.

Тилль придвинулся к Гаю. Его кабаньи глазки поблескивали.

– Вам нужен этот ребенок? Только прикажите! – рявкнул он.

Гай шагнул к Тиллю и попытался за складками жира добраться до выражения его лица. И, видимо, добрался, потому что в лице Тилля что-то дрогнуло.

– Да, мне нужен этот ребенок! – сказал Гай, и голос его опять зазвенел стеклами. – Он будет ходить для меня в райский сад и приносить мне оттуда яблоки... Но тогда, когда этого захочу я! Вы же, Тилль, даже пальцем к нему не прикаснетесь! Если же прикаснетесь – останетесь без пальца! Или, напротив, от вас останется один палец. Я понятно объясняю?

Тилль угрюмо кивнул. Арно слушал с таким вниманием, что впитывал не только слова Гая, но и его дыхание. Арно умел определять желания своего хозяина не только по лицу, но и по движениям узких плеч, и по звучанию голоса, которое могло меняться от чисто стеклянного до звука фарфора или чашечки из голубой глины.

Убедившись, что Тилль все усвоил, Гай отвернулся и заходил по комнате:

– Ингвар! Для вашего форта наступают суровые трудовые будни! Нужно отобрать ваших лучших берсерков – лучших, разумеется, по интеллекту – и послать их в Копытово, на станцию и на все значимые дороги. Пусть ведут наблюдение. Золотые пчелы вот-вот вылетят, и в ШНыр придёт пополнение... Мне не хотелось бы упустить этот момент!

– Сделаем! – кратко отозвался Тилль.

– Я надеюсь на этих новых шныров! Пчелиная матка откладывала яйца при старой слабой закладке, а личинки формировались уже при новой, с ее зашкаливающими силами.

Больше Гай ничего не объяснял, но губы Белдо тронула понимающая усмешка. Хороший подарок – эти зашкаливающие силы. Все равно что трехлетнему ребенку, покупающему в магазине игрушечный пистолет, подsunуть под его видом аннигилятор. И вот он идет по городу, палит из пистолетика во все стороны и, к радости своей, обнаруживает, что если направить пистолетик на машину, то она куда-то исчезает... Направишь на остановку – исчезнет остановка. И вот он дергает маму за руку и пытается ей похвастаться, но мама лишь отмахивается и разговаривает по телефону. Купили тебе пистолетик – вот и играйся, а маму не трогай!

– У пчел огромные силы, но что-то с ними может быть не так? – вкрадчиво вытягивая шею, спросил Арно.

Он, в отличие от Белдо, на воображение не полагался и предпочитал выяснять все до конца.

– С ними то не так, что привести они могут немного не того. А мы подумаем, как, используя «немного не тех», сделать ШНыр «немного не таким», – передразнил Гай.

Белдо забежал вперед, чтобы заглянуть Гаю в лицо:

– Неужели силы у новичков будут такими огромными?

– Не знаю. Но знаю, что особая пчела всегда зовет особого шныра, – отозвался Гай, но отозвался немного рассеянно.

Он думал о ребенке Яры и Ула. Пытался себе его представить, но вместо ребенка ему почему-то представлялся щенок гиелы в те первые минуты его рождения, когда мать только-только вылизывает его. Ее язык тормозит щенка, массирует, пробуждает его к жизни. Гай на своем веку перевидал многих щенков, многих велел утопить, но всегда умел увидеть и сберечь того самого, быстрого в полете, злобного, решительного, но вместе с тем покорного своему

владыке щенка, от которого поведет потом новую ветвь. Вот и ребенок Яры представлялся ему почему-то щенком. Увы, человеческие дети так медленно растут! Должны пройти годы, прежде чем он научится осознанно пользоваться своим даром и сможет оказаться в Межгрядье, у тайника Митяя.

Что-то в этих мыслях заставило Гая остановиться и вернуться.

«Осознанно... – повторил он. – Осознанно... Да нет, это все равно что сбросить двухнедельного гиеленка с крыши в надежде, что он полетит... Как бы все выяснить наперед, чтобы не ошибиться? У кого?»

И Гай, покусывая ноготь, уставился на полукруг скал, замыкающийся на бумажном Межгрядье старого тетрадного листа.

Глава четвертая

Недевочка выходит в свет

Если человек ездит на лошади раз в год, он готов заплатить за удовольствие приличную сумму. Но если устроится работать, например конюхом, то вскоре даром вообще в седло не полезет. В сущности, в этом главное отличие между приятным и неприятным, увлечением и работой. Если ты можешь относиться к работе как к увлечению и всякий раз открывать в ней что-то новое – ты счастлив. Если нет – несчастен.
Йозеф Эметс, венгерский философ

Ул и Яра переживали один из счастливейших моментов. Все было ново для них: и смешное чихание ребенка, и его еще «нехоженые», новые, совершенно круглые, с нежной кожей пятки, и пушок на курносом носу с желтыми пятнышками сальных желез, и то, как он, сжимая губы, сердито кривит на сторону рот перед тем, как расплакаться. Все это было впервые, и все это было прекрасно.

Даже семейные ссоры, если они и происходили в тот период, были смешными, уютными и из-за какой-нибудь ерунды. Например, из-за того, кто будет катить коляску. Сценарий же ссор всегда был один.

– А не вкрутил бы ты лампочку? – спрашивала, к примеру, Яра.

– Ладно. Если ты засунешь в стиралку грязные вещи, а то у меня ни одной чистой футболки! – сразу соглашался Ул.

– Хм... Ну, в принципе, и без лампочки достаточно светло, – спохватывалась Яра. – Лучше пошли потискаем малыша!..

И, точно заговорщики, они шли к малышу. Разглядывали его, дергали за ручки и ножки, щекотали, переодевали.

Для стороннего наблюдателя ребенок Ула и Яры не казался привлекательным. Он был тощенький, совсем не рекламный. Лицо как у бритого гномика. Круглые провисшие щечки, глазки-пуговицы, узенький, вечно сморщенный лобик, отражающий больше желудочные процессы, чем работу мысли.

Но Яре и Улу их младенец казался самым совершенством.

– Правда, он самый красивый? – спрашивала Яра.

– И какой силач! – восхищался Ул, которого малыш только что двинул пяткой в нос. Любой бы нормальный человек отодвинулся, но счастливый папаша только подставлял под пятку крепкие скулы.

– Поцелуй его в другую пяточку! – потребовала Яра.

– Хорошо! – согласился Ул и получил пяткой в глаз, отчего стал еще счастливее.

Но все же существовали вещи, тревожившие молодых родителей. Малыш вел себя беспокойно. Ворочался. Часто вздрагивал. Не спал ночами.

– Может, он недоедает? – предположила Яра во время посещения детской поликлиники.

Их участковая была очень круглая. Именно это слово приходило на ум каждому, кто ее видел. У нее было круглое лицо, круглые глаза, круглые руки, круглые ноги, даже пальцы, украшенные кольцами, состояли из кругов, вытянутых, исключения ради, в овалы. И, кстати, фамилия у нее тоже была круглая: Шарова.

Услышав вопрос Яры, Шарова надолго задумалась. Затем заставила Яру покормить младенца при ней и взвесила его до и после кормления.

– Ох, мамочка, как насосался! Просто как клещ! Я-то думала, молока у вас нет, а его вон сколько! Ладно, будем наблюдать! Так-то вот, мамочка!

У Шаровой была привычка все время произносить слово «мамочка».

– Но он здоров? – спросил Ул.

– Конечно, здоров, мамочка! – сказала Шарова, хотя Ул по всем признакам был явным папочкой. Просто участковая настолько привыкла к мамочкам, что слово «папочка» почти забыла.

Дальше события развивались стремительно. Той же ночью Яра проснулась оттого, что по ее щеке провели чем-то влажным. Она открыла глаза, зажгла свет. Рядом с ней на кровати лежал младенец и смотрел на нее бессонными глазами. В правой руке у него был зажат цветок, похожий на мак, но гораздо крупнее. Лепестки у цветка были красные и влажные, корни белые и длинные. Этим цветком он и задел Яру по щеке.

Спокойно глядя на мать, младенец скомкал цветок в ладошке и стал старательно засовывать его в рот. Яра с воплем вытащила цветок из его сомкнутой руки. Маленькие пальцы приходилось буквально разжимать. Мальчик закричал, собираясь плакать. Яра же принялась кричать на Ула, который, привстав на кровати, вертел головой:

– Это ты дал ему цветок?! Он чуть не подавился!

– Какой цветок? – зевнул Ул.

– ЭТОТ!

– Какой «этот»? Покажи!

Яра сердито начала искать. Она помнила, что швырнула его на пол, но цветка на полу не было. Яра бегала на четвереньках, заглядывала под кровать и отбрасывала в сторону попадавшиеся ей под руку тапки.

– Ты его спрятал! Признайся: спрятал! – обвиняла она Ула.

– Угу. В сейф закрыл. Какие цветы? Зачем я их домой потащу?!

– Естественно! Ты цветов своей жене не даришь! Ты бы свеклу какую-нибудь притащил или селедку! – не удерживалась Яра, забыв, что только что она обвиняла Ула совсем в противоположном.

Внезапно Ул издал неясный звук и показал пальцем вверх. Яра задрала голову. Мак, который она столь напряженно искала, прилип к потолку. Он уже расправился, словно малыш и не сминал его в ладони. На глазах у Ула и Яры цветок оторвался от штукатурки, неторопливо подплыл к аквариуму и опустил корни в воду. Он пил, и на глазах выпускал новые лепестки, старыми неспешно шевеля в воздухе как крыльями.

Ул опомнился первым. У него, как у всякого опытного шныра, чувство удивления было несколько снижено.

– Ишь ты какой, чудо былин! Пьет! – сказал он.

– Что делает? – спросила Яра.

– Пьет. Его смяли. Он подзавял и теперь пьет, чудо былин...

– Признавайся! Откуда ты его притащил? – мрачно спросила Яра.

– Это не я.

– А откуда он здесь взялся?

Ул подошел к цветку. Тот, шевеля лепестками, опасно отлетел от его руки, но один из корешков оставил в воде. Пил он так быстро и так много, что аквариум обмелел на полпальца. Это было видно по влажному ободку на стекле. По идее, выдув столько воды, цветок должен был отяжелеть и раздуться, однако с ним этого не произошло. Он преспокойно продолжал висеть в воздухе, насмехаясь над гравитацией.

– Цветок из Межгрядья... – сказал Ул. – Весело. И где ты его нашла?

– Я забрала его из пальцев... у него вот! – с ужасом произнесла Яра. Малыш, недовольно кряхтя, колотил по воздуху ручками.

– Интересно, как он его поймал, если от нас он улетает? – недоверчиво поинтересовался Ул.

Ул с Яррой некоторое время ловили мак по комнате, но, так и не поймав и рассудив, что утро вечера мудренее, легли спать. Утром же цветка уже не было.

– В форточку, наверное, улетел! – предположил Ул.

– Форточка закрыта... – прошептала Яра.

– Ну, значит, он за собой ее закрыл!..

– Как?

– Листиком... – хмыкнул Ул. – Ладно, женщина, оставайся в пещере и выбивай бизоньи шкуры, а я на рынок!

На маленьком рынке у автобусной станции Ул ощущал себя как рыба в воде. Он рассматривал лук, ковырял ногтем картошку, выясняя ее цвет под кожурой, и строго спрашивал у теток:

– А картошка у вас не зеленая? Не так, как в прошлый раз? А то жена будет ругать!

– А что, в прошлый раз сильно ругала? – пугались тетки.

Копытово было небольшим поселком. Так что все рыночные торговки уже знали со слов Ула, как придирчиво Яра относится к картошке и вообще ко всем продуктам.

– Рвалась назад принести. Я едва удержал, – отвечал Ул печально, показывая в воздухе, как Яра рвалась и как он ее держал.

Испуганные тетки тщательно выбирали ему картошку, сочную морковь, свеклу и остальное. Закончив покупки, Ул победно возвращался домой.

– Вот, вернулся с охоты! – хвастался он.

Яра смотрела на овощи глазами, которыми рассеянная барышня могла бы посмотреть на паровоз.

– Ой, морковочка! Хорошенькая какая! Просто нарисовать хочется! – умилялась она и, внимательно взглянув на Ула, спрашивала: – Опять мной пугал?

Ул смущенно дергал себя за нос:

– Ну не то чтобы пугал... Скорее создавал тебе положительный образ в глазах поселковой общественности.

– Угу... Я это уже по взглядам на рынке ощущаю... Так не тронешь морковку, дашь нарисовать?

– Только быстро! – разрешал Ул. – Мне готовить надо! На завтрак у нас картошка по-деревенски в духовке! А морковь я пушу на борщ и на рагу!

– Рагу – это такой салат? – неуверенно уточняла Яра.

– Ну да. Примерно. Только вареный, – подумав, подтверждал Ул.

Уж кому как не ему было известно, что все, что Яра умеет делать с картошкой и морковкой – это рисовать их и вырезать из них человечков. И вообще в семье готовит обычно тот, кто острее ощущает голод. Эта истина стара как мир.

Больше про цветок они не вспоминали, а где-то около полудня, опять же недалеко от автобусной площади, Ул встретил Кавалерию. Кавалерия, которую ограда перестала пускать в ШНыр, жила теперь в писательском доме. В том подъезде, куда шныры водили ослика. Квартиру там ей устроил писатель Иванов, узнавший, что жившие там до нее киношницы на полгода уехали в Крым, где на Белых скалах снимался фильм про Мексику.

Кавалерия стояла у стенда и, придерживая рукой очки, чтобы соблюсти строго определенное расстояние между стеклами и глазами, читала местные объявления в стиле «Белый котик Васенька ушел жениться. Дети плачут. Нуждается в круглосуточном лечении. Район Профессорских дач, дом 8». Рядом с Кавалерией на шлейке бегал Октавий и внимательно обнюхивал столб. У собак тоже есть свои объявления.

Держалась Кавалерия неплохо. Внешне невозможно было сказать, что она переживает из-за того, что не может больше бывать в ШНыре. Разве что под глазами ближе к переносице залегли два темных полукружья.

– Доброе утро! Как вы? – спросил Ул.

Кавалерия задиристо взглянула на него, но Ул был так прост и улыбался так счастливо, что все дополнительные смыслы исключались сами собой.

– Лучше всех! Наконец-то сбылась моя мечта! Много гуляю, читаю. То мне казалось, что человечество без меня не проживет, а тут смотрю: живет себе и даже не чешется. Хороший смиряющий момент!

– Да, – признал Ул. – Человечество – оно такое! А зачем вы объявления читаете? Тут же нет ничего интересного!

– Ну почему же ничего? Вот, например – *«Баба Валя доставит козье молоко к вам на дом»*. Почерк старушечий, аккуратный! Заметно, что бабулька писала! – умиленно возразила Кавалерия.

– Угу, – согласился Ул. – Потом немного пофотошопила, отдала в типографию и расклеила по всему Подмоскovie. Ровненько так висит, нигде не топорщится, не отвисает. На ПВА так не повесишь. Набитая рука. Наклеили, губочкой разгладили, пузыри убрали – шик!

– Энергичная женщина.

– Не то слово. Я такие объявления и в Наумово видел, и в Кубинке, и в Чехове, и в Электростали. Видимо, эта баба Валя пользуется ведьмарскими дверями... Но, чудо былин, сколько ж у нее коз? Сдается мне, на вторую тысячу перевалило. Можно звякнуть ради интереса. Зуб даю! Сама баба Валя приехать не сможет и пришлет узбека на «Газели».

Кавалерия перевела очки уже на Ула и посмотрела на него столь же внимательно, как на объявление:

– Ты, конечно, прав, но в другой раз, пожалуйста, оставь свои разоблачения при себе. Я уже представила эту бабульку и даже успела ее полюбить.

– Простите, – сказал Ул.

– Извинения приняты. Но тут и поинтереснее бумажки есть! Уже с нашим уклоном...

И Кавалерия ткнула пальцем в узкую полоску объявления *«Потеряна варяжская секира. Нашедшему – вознаграждение»*.

– Вот! – сказала она. – Объявление, похоже, свежее. Вчера его точно не было. Ты же секиру не отнимал? Значит, опять без Штопочки не обошлось.

– Может, Родион? – предположил Ул.

– Нет, – уверенно сказала Кавалерия. – Если бы Родион с кем-то сцепился, хозяин секиры на другой день объявлений бы не писал. А тут чистое нытье. Видать, Штопочка его бичом пару раз вытянула, а он теперь уверяет себя и других, что не испугался, а просто девушку пожалел... Ты там присматривай за ней! Буйная она!

– Хорошо, – пообещал Ул. – Родиону скажу, чтоб за руку водил. Она только его слушается.

Кавалерия усмехнулась, прекрасно зная, что со Штопочкой все сложно и действительно только за руку ее водить и можно. А так говори ей, не говори – как об стенку горох.

Кавалерия изучила еще пару объявлений и отвернулась от стенда. Ул заметил, что в сторону ШНыра она ни разу не взглянула и вообще поворачивалась так, чтобы даже ведущая к нему дорога ни разу не попала в поле ее зрения. Она сняла очки, выудила из кармана очки-половинки с толстыми линзами, похожими на лупы, и через них посмотрела на Ула.

– Ты ведь ныряешь? – спросила она, всматриваясь в круги под глазами Ула. Круги эти всегда оставались после прохода *болота* и исчезали не раньше чем через сутки.

Ул осторожно угукнул.

– Ныряй, пока ныряется. Хоть по два нырка в день. Поначалу будет трудно, но потом планка отодвинется. Когда ж еще нырять, как не сейчас? Всякий дар, если его не тренировать, замещается своей наказующей противоположностью. Вот у меня, например, от природы были

сильные руки. Но я никогда их особо не тренировала, и они превратились в две жирные колбаски!

Это, конечно, была неправда, или почти неправда, но Кавалерия с задором взглянула на Ула, проверяя, будет он опровергать или нет. Ул знал, что опровергать нельзя. И соглашаться нельзя. Лучше не слышать.

– Влад Ганич очень удивляет последние дни. Очень неплохие закладки приносит с «козырька». И всякий, чудо былин, раз с таким лицом отдает, словно ему подсунули на рынке тухлый помидор, – сказал Ул.

Кавалерия засмеялась:

– Ну, с Ганичем ничего удивительного. Для него малейшее движение души такой подвиг, что *двушка* далеко его будет пускать. Ганич – титан духа! Вам это сейчас непонятно, но он действительно титан.

Ул недоверчиво моргнул:

– Да уж, титан! Да у него копейку кому-то дать рука не разожмется!

– На копейку не разожмется, а закладки отдает. А ведь за каждую закладку ведьмари бы его озолотили. А что кривится... Ну пусть себе кривится. Должен же он хоть какую-то компенсацию получить, чтобы всем было ясно, что он не в восторге!

– А Кирилл, Фреда, Лара? Они почему так себе ныряют? – сказал Ул.

– Лара себя жалеет и потому опасается далеко нырять, хотя могла бы. Ей еще не больно, а она уже пугается и назад поворачивает. А Кирилл слишком хитрый. Но ведь и он закладки приносит? А каждый раз, как мы через себя перешагиваем и делаем что-то для другого, мы делаемся на горошинку сильнее. Так что и он на верном пути.

– А Фреда?

Кавалерия куснула дужку очков. Улу показалось: для того, чтобы скрыть улыбку.

– Фреда похожа на меня в молодости. Я такая же была. Если Фреде скажут, что она в чем-то может быть неправа – она не поверит.

– А ныряет почему неважно? Вроде начинала неплохо, а теперь застопорилась.

– Я тоже, видишь, застопорилась... Фреда, как я понимаю ее проблему, не научилась пока никого слушать. А это очень стопорит. Иногда бывает: человек умный, а кашу руками ест. Ему говорят «да возьми ты ложку», а он не верит! – Кавалерия вернула очки на прежнее место и зорко всмотрелась в Ула. – Ну... Чего ты ерзаешь? Что ты хотел рассказать?

– Ничего.

– Неправда! Пошли!

Кавалерия подвела Ула к старой водонапорной башне, и он рассказал ей о ребенке и о летающем маке. Слушая Ула, Кавалерия гладила потрескавшуюся кору старой липы. Липа, разошедшаяся на три отдельных ствола, царствовала над всем маленьким парком.

– Ясно. Ну что вам сказать, папа и мама? Я советовала бы показать мальчика Лехуру, – произнесла Кавалерия, когда Ул перечислил, что ребенок беспокоен, вечно голоден, ест много, но плохо набирает вес.

– И про цветок ему рассказать?

Кавалерия взглянула на Ула с укором:

– А почему нет? Лехур понимает в медицине, в шнырах и в *двушке*. Можно найти кого-то, кто знает *двушку* и шныров. Можно кого-то, кто разбирается в медицине. Но на перекрестке этих качеств – только Лехур. Отправляйся-ка в ШНыр, садись на свою Азу и приведи мне пегу! Нет, двух пегов: еще одного – для Яры! На свое усмотрение возьми кого-нибудь поспокойнее. Слетаем к Лехуру в Москву. Он, конечно, приехал бы и сам, но вряд ли он погрузит в свою машинку МРТ или рентген.

И Кавалерия достала телефон, собираясь звонить Лехуру.

– Погодите! – остановил ее Ул. – Яра не полетит с младенцем на пеге! Она даже на электричке его не возит! Ей повсюду микробы мерещатся! Максимум она согласится на такси – да и то замучает водителя вопросами, когда он в последний раз пылесосил салон.

Кавалерия усмехнулась:

– Не полетит, говоришь?

– Не полетит! Яра очень правильная мать! Окна не открывать, воду в ванночке градусником мерить! Да она со мной недавно даже на улицу не пошла! Сказала: ветер, ребенку холодно.

– А куда ты собирался? – вскользь поинтересовалась Кавалерия.

Ул потер лоб:

– Кажется, на строительный рынок... Думал, на детской коляске цемента чуток подвезти...

Кавалерия развернула его за плечи и подтолкнула в сторону дома:

– Иди давай за Ярой! Покупка цемента – чудная программа для прогулок! Неудивительно, что сразу поднимаются страшные холодные ветры! У меня, конечно, давно не было маленьких детей, но я запомнила, что если мать чего-то очень хочет, то и детям это тоже почему-то полезно. Я звоню Лехуру и начинаю собираться сама!

– Вы думаете, она согласится? – усомнился Ул.

– БЕГОМ!!!

Через пять минут Ул был уже дома. Яра в Москву лететь отказалась наотрез, заявив, что это бред, что ей малыша кормить, купать, укладывать, но при этом Ул обнаружил, что она почему-то быстро одевает ребенка и прикидывает, как всунуть его в «кенгуру».

– Это что такое? – спросил Ул ошарашенно.

– Где? Что? – всполошилась Яра.

– Руки твои что делают?

Яра посмотрела на свои руки и на короткое время убрала их за спину.

– Ничего! – произнесла она тоном БаКлы, перед которой кто-то сильно провинился. – Никуда я не полечу! Ты пегов привел?

– Нет пока.

– Так чего ты ждешь?! Что ребенок вспотеет?! Зачем же я его одевала?!

– А ветер? – сказал Ул, хотя это была явно материнская реплика.

– Какой ветер? Ну, я намажу малышу щеки кремом! И учти: если из-за тебя я простужу ребенка, я тебе этого никогда не прощу! – заявила Яра, немного помедлив.

Ул потрогал себе лоб. Следить за перескоками женского сознания ему было все сложнее и сложнее.

– Хорошо, – согласился он. – Ну ты, Яра, чудо былиин, зажигаешь!

В ШНыр Ул телепортировался, зная, что там легко подзарядит *нервь*, и вскоре ехал через поле на Азе, ведя с собой в поводу Цезаря для Кавалерии и Миниха для Яры. Кавалерия и Яра, уже созвонившиеся и встретившиеся, поджидали его на окраине Копытово, чтобы никто из местных не увидел пегов. Впрочем, в Копытово к пегам начинали уже привыкать. Врач местной амбулатории как-то доверительно сообщил фельдшеру:

– Интересный факт, Григорий Иванович! Во всех подмосковных поселках стандартно ловят белочку, а у нас видят крылатых лошадок!

– А еще крылатого ослика и дядечек с секирами! – радостно произнес Григорий Иванович.

Врач вздохнул, задержал взгляд на красных крыльях носа своего фельдшера и, тронув его за рукав, добавил:

– И еще я хотел попросить вас, Григорий Иванович: верните мне, пожалуйста, ключ от шкафа с лекарствами! А то у закрытого спирта слишком высокая скорость самоиспарения!

Яра стояла с малышом и подпрыгивала. Женщины, надевающие «кенгуру», всегда подпрыгивают, иногда даже выше, чем это требуется в интересах укачивания. Видимо, следуя теории Станиславского, невольно входят в образ.

Увидев старину Миниха, Яра перестала подпрыгивать и опасно устоялась на Ула.

– Это что? – спросила она тоном гонщика, которому вручают ключи от «Запорожца».

– Но ты же просила кого-то поспокойнее?

Яра недовольно засопела и полезла на Миниха. Ножки ребенка задевали седло, но Яра их чуть расставила, и получилось, что малыш тоже сидит в седле. При этом он ухитрился спать, как монгольский всадник во время долгих переходов.

– Ну просто Чингисхан! – сказала Кавалерия.

Яра с опасной внимательностью поглядела на широкое, ни в одну паспортную фотографию не вмещающееся лицо супруга.

– Уж да уж! И в кого бы уж! – сказала она.

До Москвы они летели на небольшой высоте. У Яры замерзли руки, лицо, шея, и она то и дело трогала пальцем ребенка, проверяя, не превратился ли он в ледяной истуканчик. Но малыш, покрытый толстым слоем крема, спокойно спал, ровно дыша красным, похожим на кнопку носом.

Пегов посадили в парке недалеко от Склифа и покрыли их попонами, потому что в центре Москвы нет таких парков, где каждую минуту не попадался бы собачник, мамочка с коляской или юная парочка, пришедшая на первое в жизни свидание, заблудившаяся, не знающая, о чем говорить, замерзшая и уже успевшая частично рассориться.

Еще несколько минут прошли в поиске, к чему привязать пегов. Пег – животное сильное. Если его испугать, он встает на задние ноги и откидывается назад – и тогда вырвет доску из любого забора. Но Ул был человек опытный. Он еще в ШНыре, седлая пегов, поддел под уздечки недоуздки. Пеги от этого приобрели сельский вид, потому что это в селах не снимают недоуздки месяцами, зато за недоуздок их можно было нормально привязать.

Аза и Цезарь встали рядом без проблем, а вот Миних, хоть и чистился в старых безобидных табуретках, был препротивный тип. Он подкрался к Азе, тяпнул ее за круп тупыми зубами, потом отскочил от взвизгнувшей кобылы и с таким невинным видом стал созерцать проезжающий автомобиль, словно собирался написать о нем диссертацию.

Вскоре Кавалерия, Ул и Яра были уже на проходной Склифа. Тут у них возникли сложности с охранником. Вид у них, прямо скажем, был подозрительный – все в какой-то пене и шерсти, – да и паспортов с собой ни у кого не оказалось. В общем, неблагонадежные люди. Лехур был на операции и выручить их не мог.

Яра увидела, как Кавалерия быстро коснулась *серебряной руки* на *нерти*, после чего собственная ее рука на несколько секунд исчезла. Вслед за тем на мониторе, на который сводилось изображение с охранных камер, начало твориться натуральное безумие. Хлопали двери, распахивались окна, камеры кто-то закрывал рукой и загораживал. Потом перед одной камерой проплыл по воздуху пустой белый халат, который несла одинокая словно отсеченная рука, а перед другой заплясал превратившийся в змею распущенный бинт.

Ошалевший охранник схватился за рацию, однако сообщать о летающих стульях и пляшущих бинтах дальновидно не стал и, крикнув «Никуда не уходить! Ждать здесь!», умчался вместе со своим напарником.

Кавалерия, Ул и Яра преспокойно проследовали к лифту. Вскоре они уже сидели в кабинете Лехура и ждали, пока он вернется с операции. Кабинет у Лехура был небольшой, с одной стороны настолько лишенный индивидуальности, насколько лишен ее типовой кабинет врача в большой столичной клинике, а с другой – индивидуальность все же имеющий. Кресло у Лехура было деревянное, вырезанное из причудливых красных корней. На стене над столом висела

странная маленькая подкова с шипами, которую Лехур нашел в старых окопах на Волоколамском шоссе.

Лехур обожал испытывать своих гостей на сообразительность, спрашивая у них, что это за подкова. Большинство гостей терялись, но порой кто-то и догадывался. Узнав место, где была найдена подкова, отвечали, что это горная подкова вьючного немецкого мула, павшего осенью сорок первого года. У немцев таких мулов были десятки тысяч, а еще больше – у румын и итальянцев.

Мулы на войне дадут лошадям сто очков форы. Они перевозят грузы по камням, по льду, в зарослях, по снегу. А еще не боятся обвалов, взрывов, шума и готовы работать по двенадцать часов в сутки.

– Вот бы и нам в ШНыре мулов развести! – внезапно предложил Ул. – Тогда мы смогли бы пробираться в каньоны Первой гряды. Там на козырьках закладок много. Пеги со скал сорвутся, а мулы нет.

– А мулов где взять? – спросила Кавалерия.

– Разведем! – бодро предложил Ул. – Осел у нас есть! Кобылы есть! Сошлем ослика на лето на Дон, на шныровскую базу.

Прежде чем Кавалерия успела озвучить свои мысли, не слишком утешительные для будущего крылатых мулов, в кабинет вошел Лехур.

– Всем привет, кого не видел! – сказал он, с явным неудовольствием созерцая Кавалерию в своем кресле.

– Кресла жалко? – понимающе спросила Кавалерия.

– Ну не то чтобы жалко... Но я в нем обитаю. Можно долго терпеть толпу гостей – но лишь до момента, пока они не посягают на твое кресло и на твои тапки... Ну, чего у вас такое? Рассказывайте!

Вскоре Лехур уже рассматривал малыша, раздетого и положенного на пеленку. В дороге тот проголодался, но пока не капризничал. Теперь малыш, что называется, «гулял» – то есть лежал на спине и дрыгал руками и ногами.

– И как тебя зовут, чудо? – спросил Лехур.

– Илья! – ответил за сына Ул.

– Никакой он не Илья! – запротестовала Яра, хотя если бы Ул промолчал, то она сама сказала бы «Илья».

– Но мы же называем его «Илья»! – удивился Ул.

– Илья – это временное имя, – неохотно признала Яра. – Не могу же я все время называть его «недевочка».

– Ну называй «Илья».

– Я и называю. Но имя уже как-то прилипает. Еще несколько дней – и прилипнет окончательно... А ведь поначалу я его этим «Ильей» дразнила! У Суповны котик был Илья, которого она нечаянно котлетой зашибла.

Лехур кашлянул, намекая, что обсудить имя можно и попозже.

– Я по детям не специалист. Вот когда вырастет и начнет ломать себе руки и ноги... – сказал он.

– Не надо! – испуганно воскликнула Яра.

– Ну, как мама скажет, так и будет! – легко уступил Лехур. – Так, на что жалуемся?

Слово «жалуемся» пробудило в Яре внутреннюю БаКлу. Она начала жаловаться, и жаловалась минут десять, причем на вещи самые разные и к делу явно не относящиеся.

– Много ест и вес не набирает? Так это ж счастье! У меня вот все наоборот: ем мало, а вес набираю! – улыбаясь, сказал Лехур.

– А цветок летающий?

– И это бывает. Я вот шел недавно на работу, и мне в голову прилетели цветы... Этажа так с пятого. Хорошо, что хоть без вазочки.

– Наш цветок был с *двушки*! – сказал Ул, считая это ценным добавлением.

Но Лехура волновали свои аспекты. Медицинские.

– Как он мог его схватить, если он движений рук не координирует? Вот месяцев в восемь – другое дело. Тут уж берегись, родители: все, что вижу – все ем.

– Вы его не знаете! – с гордостью сказала Яра. – Вот смотрите: за палец меня схватил и тянет в рот! Если его разуть, он и ногу свою в рот потянет.

– Можно и не разувать... – добавил Ул.

В дверь кабинета постучали. Пришла милая улыбчивая женщина – вызванный Лехуром неонатолог. Илью она вертела в руках так умело, что тот даже не капризничал.

– Гулит? Головку держит? – спросила она, высматривая и выслушивая что-то свое.

– Да. А еще улыбается... Ну так... изредка... Словно что-то хочет сказать! А ты молчи! Ты не видел! – торопливо сказала Яра, заметив на лице Ула ироническое выражение.

Неонатолог приподняла брови.

– А буквы знает? Стихи читает? – спросила она.

– А что, должен? – испугалась Яра.

К счастью, это оказалось шуткой. Но Яра все равно опасалась, что Ул не удержится и разболтает неонатологу, что она читает Илье справочник по коневодству. Там, конечно, тексты не самые простые, но Илья так важно, так по-министерски молчит, что, скорее всего, все понимает.

Вскоре Илью, завернутого в пеленку, быстро пронесли по двум-трем кабинетам. Там его взвешивали, просвечивали, простукивали, брали анализы. Потом неонатолог и Лехур отошли в сторону и долго между собой разговаривали.

– Любопытно! – сказал Лехур, вновь подходя к Яре и Улу. – Показатели крови у вашего Ильи такие, словно он тренированный спортсмен, проходящий подготовку в высокогорном лагере.

– А это плохо? – мнительно спросила Яра.

– Да нет, почему? – успокоил ее Лехур. – Но откуда это у него? Он что, с Эльбруса спустился? И еще момент... Вес вашего ребенка и его внешний вид не соответствуют друг другу. На вид он тощий такой куренок. А положишь на весы – богатырь. У него что, кости из кремния?

– Ну, не такой уж он куренок... – обиженно буркнул Ул.

– Куренок... – повторил Лехур, предпочитающий называть вещи своими именами. – Но плотность у куренка нездешняя. Вспомните мгновение перед нырком, когда нас охватывают крылья пег. Вот и ваш ребенок, скорее всего, так много ест, чтобы достичь этой плотности... Это, конечно, только моя версия!

– Он что, как стальное ядро, что ли? – попытался сообразить Ул.

Лехур ответил после долгой паузы, еще раз посмотрев все данные анализов и снимки:

– Да нет. Тогда б об него иголка сломалась, которой я анализы брал. Но втыкал я ее с трудом. То есть он явно плотнее, чем ожидаешь от младенца с цыплячьими ножонками и спичечной шеей! И, возможно, на каких-то стадиях сна он может становиться еще плотнее – и тогда полностью или частично оказывается где-то там.

– В Межгрядье?! – испуганно спросила Яра.

– Да уж не знаю где. Такое чувство, что ваш «недевочка» – ребенок не из нашего мира. Но и человеком *двушки* он пока не стал. Он где-то между... Для нашего мира слишком плотный, для *двушки* недостаточно плотный. Вот он и мечется между мирами как маятник...

Лехур замялся, словно хотел что-то добавить, но промолчал. Яра с зорким материнским прозрением сама договорила эти слова. Представила себе маятник, который мечется из мира в

мир. А потом маятник останавливается и оказывается в... Что находится между нашим миром и *двушкой*?

Яра задохнулась от ужаса. Ей захотелось выхватить Илью у Лехура, выскочить из кабинета и побежать по коридору куда глаза глядят. Затаиться где-то, спрятаться...

– И что нам делать? – спросила Яра.

Лехур пожал плечами:

– Врач должен говорить только о том, что знает. Не все решения очевидны. Порой, когда болит нога, нужны таблетки от головы. А иногда достаточно проверить, нет ли в ботинке гвоздя. Здесь же сугубо область интуиции. Так что никаких гарантий!

– Но что бы вы посоветовали?

Лехур посмотрел на младенца. Тот беспокойно вертел головой и двигал ручками.

– Мне кажется, малыш что-то ищет, – предположил он.

– Что?

– Не знаю. Что-то такое, что позволит ему принадлежать одному из миров.

Ул и Яра посмотрели на младенца. Илья продолжал беспокоиться, вертеться. И это было не желание огорчить себя и уснуть, не потребность избавиться от пузырьков воздуха, а именно целенаправленный поиск чего-то, название чему ребенок и сам не знал.

– Да, ищет, чудо былиин! Точно ищет! – взволнованно признал Ул.

– Он еще маленький для *двушки*! – упрямо сказала Яра, с трудом подавив в себе другие, важные слова: «Я его туда не пущу!» Вот только как не пустить? Младенца, который просачивается сквозь наш мир, не удержать никакими оковами.

– Ну да, Яр... Понятно! Ну ищет же, чудо былиин? Младенец, ныряющий на *двушку* раньше, чем научился ползать, – это ого-го! – с отцовской гордостью произнес Ул.

Яре вспомнилась ее горячая молитва на *двушке*, в которой она просила, чтобы сын стал шныром. Несмотря ни на что, вопреки его возможностям, вопреки всему. Просьба, где-то даже близкая к гордыне. Вспомнился ей и ответ: «*Запомни, ты сама вымолила его! И не жалея ни о чем*».

Как же она теперь жалела об этой молитве! Но жалеть было уже поздно. Надо идти вперед. Надо прорываться. Губы у Яры запрыгали. Она прижала Илью к груди и, не прощаясь, выскочила из кабинета Лехура.

Кавалерия и Ул последовали за ней.

Глава пятая

Лучшая в мире детская коляска

Представьте, что где-то есть красавица модель. Рекламные агентства сражаются между собой за право снимать ее лицо. Но на спине под платьем у нее мокнувшая язва. И только она одна об этом знает, и потому так прекрасны и грустны ее глаза. И вот эта красавица... я понял как-то, что она олицетворяет всякий успех. Возьми любого иньира, художника, ученого, педагога, не важно кого – и он будет такая вот красавица и обязательно у него будет эта язва.

Из дневника невернувшегося иньира

Прошло несколько дней. Ничего значимого не происходило, и Ул с Ярой начали успокаиваться. Илья вел себя так, как должен вести себя идеальный младенец: спал, ел, гулял, опять ел. Разве что однажды ночью Ул и Яра проснулись от звука, который бывает, когда тяжелый мотылек бьется в стекло. Привстав, Ул увидел в освещенном проеме окна тяжелую ночную бабочку-совку.

Ул стал подниматься, собираясь открыть форточку и выпустить ее, но бабочка вдруг замерцала и исчезла. А еще секунду спустя Ул увидел, как совка, точно прощаясь, два или три раза ударилась в стекло, но уже с внешней стороны.

– Что это было? – спросила Яра, чувствуя, что Ул сидит на кровати.

– Бабочка... – глухо отозвался Ул.

– А-а... – протянула Яра и сразу заснула опять.

Ул подошел к кроватке и уставился на Илью. Тот лежал с открытыми глазами, не спал, не плакал и ничего не требовал. Довольно странное состояние для младенца. И вообще Улу показалось, что вид у его сына был хитрый.

– Это ты бабочку впустил? Спи давай! Нечего по ночам шастать! – тихо, чтобы не слышала Яра, прошептал Ул и лег спать.

Днем Ул с Ярой гуляли по копытовскому парку, а потом зашли в магазин. У входа стояла неприятная особа в соломенной шляпе, с полей которой свисало множество веревочек с узелками.

– Ой, какое чудо! Это ваш? А поддержать можно? – воскликнула она и попыталась выхватить Илью из рук у Яры.

Прыжком молодой лани Яра скакнула через три ступени. Ей не нравилось, когда всякие незнакомые тетеньки пялятся на ее сына. В такие минуты ей хотелось рычать и щелкать зубами, но она подменяла это вежливой улыбкой, а так как улыбаться приходилось часто, то у нее сводило мышцы лица. И... как-то сама собой вспоминалась БаКла. Она тоже здоровалась с соседками во дворе так, словно они только что спасли ей жизнь, а потом приходила домой и говорила про них гадости... Ну пусть так! А ребенка все равно трогать не дам!

Копытовский магазин жил своей обычной дневной жизнью. Посетителей почти не было. Одна из двух продавщиц, открыв заднюю дверь, выкладывала штабелем пустые коробки. При этом по внешней гарнитуре телефона она ухитрялась ругаться с мужем, а так как динамик не бросался в глаза, все поначалу напрягались, не зная, с кем она ссорится.

Яра, всегда с интересом наблюдавшая чужую жизнь, заметила, что в последние годы женщины, ссорясь с мужьями, все чаще используют канцелярские обороты: «не обеспечил», «не снабдил», «не создал условий», «не позаботился», «не проанализировал потребность». Интересно, откуда все это пошло? Из телевизора? Скорее уж с производственных летучек. Вначале занудный начальник-мужчина отчитывает женщину на работе, что вот она не обеспечила,

не учла, не предусмотрела, не просчитала последствий, а потом этот же начальник приходит домой и выслушивает все эти слова от своей жены, не понимая, откуда что взялось.

Ул быстро и толково сделал все покупки. Яра им просто любовалась. Не муж, а прямо человек-электричка, который идет в предсказуемом направлении. Главное – на него вовремя сесть, а потом уже с него никуда не сходить!

Потом они вышли из магазина. Странная личность в шляпе с крыльца исчезла.

– Эй! А где мы припарковались? – спросила Яра, тревожно вертя головой. Она вечно боялась, что уведут их коляску. Для любого жулика она была лакомым кусочком – новая, желтая, покрытая блестящим дождевиком. Колеса дутые, черные, ход мягкий, а бровки брала как вездеход. В подъезде Яра ее не оставляла – затаскивала по лестнице в квартиру, где она занимала половину коридора, потому что, боясь повредить новенький механизм, Яра ее не складывала.

– Уф! Вот же она! – с облегчением воскликнула Яра.

Сейчас коляска почему-то стояла дальше, чем они ее оставляли. Яра шагнула к ней, собираясь откинуть дождевик, чтобы можно было положить ребенка. Внезапно Ул удержал ее за руку:

– Ну-ка, стой!

– Чего ты?

– Яра, тебе говорят: стоять – бояться! – голосом, звякнувшим как лист жести на ветру, повторил Ул и неторопливо стянул с плеча рюкзак.

Дальше произошла вещь совершенно необъяснимая. Ул выдернул из рюкзака свой двухзарядный шнеппер и один за другим выпустил в коляску оба *пнуфа*: один в колесо, а другой прямо в заботливо сложенное одеяльце. Коляска полыхнула и исчезла, за мгновение до того утратив контуры.

Яра завопила, едва сдержавшись, чтобы не наброситься на Ула с кулаками. Помешал только Илья, который был у нее на руках.

– А-а-а-а! Моя коляска!

– Спокойно, чудо-былиин! Это была не твоя коляска! – мрачно отозвался Ул.

– Как не моя?! Твоя, что ли?! Ты ее выбирал?! Ты ее покупал?! – не слыша, кричала Яра.

– Ты не поняла! Это была вообще не коляска!

– Как не коляска?!

– Ты разве в грязи ее оставляла?

– Нет. Но она могла скатиться!

– Не могла. Она стояла колесами в грязи, но следов от колес не было! Понимаешь? Ты едва не скормила нашего Илью существу из *болота*! – повторил Ул.

В Яре мгновенно пробудилась шнырка. Вздвогнув, она недоверчиво шагнула к луже. Да, верно, следов от колес не было заметно, зато имелся другой след: широкий, с полосой слизи. Словно большая виноградная улитка проползла по асфальту.

– Кто это был? – спросила Яра жалобно.

Ул перезарядил шнеппер и огляделся:

– Охотничий эль. Не очень умная личинка-переросток, которую можно заставить принять определенный облик. Только в одном они ошиблись... Не надо было в грязь коляску закатывать. Поставили бы на месте нашей – мы бы и не заметили!

– Замолчи! Прошу тебя!

Яра прижимала к себе ребенка. Она была напугана и разозлена. Илья, ощущая, что что-то идет не так, недовольно похрюкивал. Яре вдруг вспомнилась жесткая, почти одеревеневшая куртка Носко Гнездило, пробитая арбалетным болтом. Вспомнила она и куртку Матрены. Почему в Зале Памяти две эти куртки висели отдельно от остальных? Для того ли, чтобы рассказывать новичкам эту романтическую, до дрожи пробирающую историю? Или, может, загадка состояла в том, что ребенок отделил их от Шныра? Особый ребенок, такой же, как у них

с Улом... Или если не так, то что эльбы могли увидеть в крошечном ребенке? Разве только то, что, как говорили в ШНыре, он появился на свет в двух животах: в животе Яры и... в котле-животе Горшени!

– Почему ты мне сразу не сказал? – спросила Яра у Ула.

– И ты позволила бы мне выстрелить в коляску, чудо былиин? Ты можешь пожертвовать жизнью, но вот в мелочах... попробуй допросись у тебя какой-нибудь крышечки, шнурочка, пуговики, до расставания с которой ты еще не созрела... Все, уходим отсюда!

Ул деловито обошел магазин и за штабелем пустых коробок обнаружил желтую коляску, кем-то туда задвинутую, чтобы она не бросалась в глаза. Эта коляска следы уже оставляла, но Яра все равно не решилась положить в нее ребенка. Недавно любимая, теперь коляска внушала ей лишь ужас.

– Разнеси ее тоже! Или дай мне шнеппер! – хищно потребовала Яра.

– Нет уж... Это наша коляска! Вот, смотри, твои салфетки!

Но Яра и салфеткам не верила, и ребенка предпочла нести на руках.

Вскоре, запыхавшиеся, они были уже дома. На всякий случай Ул проскользнул в квартиру первым, держа наготове шнеппер. Осмотрел комнаты, заглянул на кухню. Яра ни на что не смотрела, ничего не видела. Прижимая ребенка к груди, она опустилась на диван и заскулила как страдающий щенок.

– Чего ты? Перестань! – сказал Ул.

Яра, не помня себя, вскочила, замахала руками:

– Они хотели украсть нашего ребенка! Почему?! Он же младенец!

Ул выглянул в окно, проверяя, нет ли кого у подъезда. Смена формы – редкая мутация, поэтому охотничьи эли встречаются не часто. И уж конечно, не сами решают, на кого нападать. Ул сообразил это сразу, но Яра пока не говорила.

– Понятно, чудо былиин! Мне-то ты что доказываешь? Я что, против? – сказал он примирительно.

Яра всхлипнула и промокнула слезы теплой макушкой ребенка. Тот, ощутив прикосновение, скосил рот набок. Искал грудь. Яра покорно начала кормить его.

– Это Тилль его послал? Охотничьего эля? – спросила она.

Ул покачал головой:

– Тиллю незачем связываться с элями. Тилль послал бы пару четверок.

– Тогда Белдо?

– Возможно. Но тут другой вопрос: что эль сделал бы с Ильей, если бы мы опустили его в «колясочку»?

Ул быстро взглянул на Яру и осекся, сообразив, что это не лучший вопрос для обсуждения с испуганной женой:

– Ладно, ты корми! А я пойду с Родионом свяжусь.

Яра не понимала, что говорит ей Ул. Уловила только слово «Родион» и восстановила смысл по одному звучанию этого имени. Да, иметь рядом Родиона будет хорошо.

– Никто не охотится на детей! Ничего не бойся! Скоро к тебе придет дядя Родион! – убежденно повторила она в теплую, вздрагивающую пульсом макушку младенца.

Ул связался с Родионом по *нерпи* и попросил его как можно скорее прибыть в Копытово. И по возможности захватить с собой Макса.

– Только проследи, чтобы он не брал с собой слишком много арбалетов! – предупредил он.

Родион понимающе хмыкнул. Любовь Макса к оружию служила извечной темой шныровских острот. У них говорили, что если на дороге, ведущей из ШНыра в Копытово, появился уныло бредущий богатырь, навьюченный несколькими тяжелыми арбалетами, тубусом с бол-

тами, кучей приспособлений для коррекции стрельбы и походной прицельной треногой, то все ведьмари знают, что это Макс тайно выдвигается на засадные рубежи.

Ул ходил у подъезда и ждал Родиона. Потом поднялся в квартиру. В ванной шумела вода. Яра мыла «недевичку», который почти уже стал Ильей. По шуму воды Ул заключил, что Яра перевела свое беспокойство в двигательную энергию. Это уникальный и спасительный дар женщин – истинный подарок небес, которым Яра в полной мере обладала.

– Пошли к Кавалерии! – предложил Ул, заглядывая к ней.

– Ребенок после ванны! Распаренный! Ему нельзя гулять! – отказалась Яра.

– Так это ж не гулять! Кавалерия от нас в трех шагах!

У Яры сдвинулись брови, и Ул понял, что лучше эту тему не развивать. Если жена говорит «распаренный» – значит, «распаренный», если говорит, что на соску, на секунду положенную на чистый кухонный стол, напоззли микробы – значит, напоззли. В конце концов, микробы могли притаиться, устроить трамплин, а потом резко стартовать с места, толкая друг друга локтями. Зато на другой день соска упала на лестнице, но Яре было лень возвращаться и мыть ее, и она заявила, что микробы на нее напоззли не успели. Ну что ж, бывает! Понятно дело, не успели подготовить трамплин. Они же не знали, какое счастье им на голову свалится!

– Ты не поддержишь Илью? – попросила Яра. – Я схожу за полотенцем.

Ул взял Илью на руки и стал дожидаться Макса и Родиона. Яра, которая только что считала Илью распаренным, полотенце так и не принесла, потому что отвлеклась на что-то другое, и ничего не имела против того, что Ул ходит с ним на кухне у открытого окна. Ул еще раньше замечал, что когда жена дает тебе ребенка на минутку, эта минутка легко превращается в часы. Видимо, опытные отцы на просьбу «возьми ребенка» многозначительно ухмыляются и отвечают что-нибудь вроде «Я бы с радостью, но у меня на руках микробы».

Ул ходил с Ильей по кухне, на всякий случай проверяя глазами, далеко ли лежит шнеппер, и думал, думал, думал. Представлял, просчитывал, пытался составить план действий. План не составлялся. Мысли прыгали и, буксуя на месте, шли уже по третьему кругу. Но все же Ул признал, что волнуется, не раньше чем поставил электрочайник на газовую конфорку и стал дожидаться, пока тот закипит.

– Пластиком пахнет. У тебя что-то горит? – крикнула из комнаты Яра.

Ул посмотрел на плиту и торопливо выключил газ.

– Уже нет, – сказал он.

Снизу просигналила машина. Ул выглянул и, отдав Илью Яре, сбежал по лестнице. У подъезда стояла одноглазая «жирафа» Кузепыча, только за рулем «жирафы» сидел не Кузепыч, а Родион.

– Ну что у вас тут, молодой папаша? Эли в коляски превращаются? Бригада по ремонту колясок прибыла! – ободряюще приветствовал он Ула.

Кроме Родиона в машине обнаружились Макс и незнакомый злой мужик в трусах и с зубной щеткой в руках, который сразу потребовал у Ула принести ему футболку и шорты.

– А ты кто вообще? – спросил Ул.

Мужик в трусах не ответил, только заскрежетал зубами.

– Это Макаров. Венд и гениальный мастер по ремонту арбалетов, – объяснил Родион.

– А почему он раздет?

Родион смущенно кашлянул:

– Да так получилось... Звоню ему утром: «Через сорок минут я за тобой заеду. Арбалеты посмотреть надо!» Он отвечает: «Да без проблем! Я буду готов!» Приезжаю к нему, жду, звоню. Он говорит: «Я уже в лифте!» Жду еще пять минут, опять звоню – «Я еще не поел!» Ага, думаю, человек в лифте ест. Ну, всякое в жизни бывает. Опять жду пять минут, снова звоню – «Я одеваюсь!» Вот, думаю, бедненький! Голеньким в лифт влез, чтобы там поесть, а теперь в лифте и одевается! Опять ему звоню через десять минут: «Ты где?» – «Я уже почти проснулся!»

Ну, думаю, в лифте человек заснул! Трудная жизнь! Я к нему поднялся, а он в одних трусах по квартире бродит и зубы чистит! А тут ты позвонил! Ну, я вспылil немного, сгреб его и прямо с зубной щеткой в машину усадил...

Венд начал оправдываться и переругиваться с Родионом и Максом. Пока они ругались, Ул вынес ему свитер, шорты и шлепанцы. Макаров оделся и поднялся по лестнице. Шлепанцы, оттягиваясь, хлопали его по розовым пяткам. Макс и Родион открыли багажник «жирафы» и занесли к Улу десятка полтора арбалетов. Макаров засел на кухне и, приняхиваясь к запаху паленого пластика, занялся любимым делом. В том, как он чинил арбалеты, угадывался профессионал. С плоскогубцами и отверткой Макаров творил чудеса, а в качестве недостающих деталей использовал случайные проволоочки, гвоздики и пружинки, которые находил у Ула в жестяной банке со всякой хозяйственной мелочовкой. Это потому, что, вытаскивая его из квартиры, Родион сгоряча забыл про инструменты.

Возня с арбалетами привела Макарова в хорошее настроение:

– Вот почему мы войну выиграли! Мы могли из вилки пулеметный прицел сделать, а у немцев если прицел отвалился, то все – разрыв шаблона! Опять же детали в немецком оружии так подогнаны, что песчинка попадет или смазка замерзнет – и все... не стреляет! А у нас конструкторы заранее знали, что автоматы на заводе будут подростки собирать, и так все просчитали, чтобы и без точной подгонки все стреляло.

– А чем тут так пахнет противно? Давайте я вам чайник поставлю! – предложила Яра.

– Я уже ставил недавно! – поспешно сказал Ул. – Ну все, Яр! Идем! Ребята тут покараулят, а нам надо к Кавалерии быстренько сбегать.

Илья был уже одет, и Ул с Ярой отправились к Кавалерии. Коляску Яра с собой не взяла, а Илью прижимала к груди. Проходя через детскую площадку, они едва не свалились в яму с прорвавшейся трубой. Вокруг ямы стояло человек десять местного начальства. В яме работал только один водопроводчик, а все остальные давали ему советы. Трудящийся водопроводчик отзывался на советы красноречивыми, идеологически незрелыми замечаниями.

– Не ругайся! Тут дети! – громко объяснило ему начальство, когда Яра пробежала мимо, пронося на руках Илью. До этого ругань водопроводчика начальство, как видно, не смущала.

– Вот она, польза образования! Получишь его – и можно не лезть в яму с разводным ключом, а стоять снаружи! – заметила Яра, когда они отошли подальше.

– Угу, в смысле ага. А кто тогда будет в яме, если и последний водопроводчик его получит? – заметил Ул.

– А в яме будут роботы!

– А кто будет начальником над роботами?

– Другие роботы.

– А куда тогда денется все это начальство? – усомнился Ул. – Нет, чудо былин, тут что-то не стыкуется... Я уже решил: нам для Ильи образования не надо! Как только образование становится выше среднего – все в жизни становится ниже среднего!

Яра вздохнула. Она чувствовала, что по этому пункту они с Улом еще не скоро сойдутся.

Вот и писательский дом. Ул с Ярой поднялись по лестнице. На звонок Ула никто не отзывался. Он позвонил еще раз и, думая, что Кавалерии нет дома, хотел уйти. Но тут в коридоре залаял Октавий, знакомый голос спросил «Кто там?», и дверь открылась.

На пороге стояла Кавалерия. Она была какая-то непривычная: в кофте с большими пуговицами, сверху обтянутыми тканью, и в какой-то смешной шапочке.

– Кофта с пуговицами, женская, – зачем-то ляпнул Ул.

Кавалерия склонила голову набок и испытующе посмотрела на Ула.

– Правда? – вежливо спросила она. – А я кто? Фронтальной конь?

Так как руки у Ула были вновь заняты Илей, Яра, спасая мужа, сама постучала его по лбу.

– Мой супруг пытался сказать, что вам очень идет, но визуально ему это непривычно, – перевела Яра.

Кавалерия отодвинулась, пропуская их в квартиру:

– Приятно, когда жена всегда может объяснить, что творится у ее мужа в голове, в кошельке и в сердце... Можно не разуваться!

Они прошли на кухню. Кавалерия села на табуретку и две табуретки придвинула Улу и Яре.

– Ну! – поощрила она.

Ул и Яра, перебивая друг друга, рассказали ей о коляске.

– Плохо... что тут еще скажешь... – отозвалась Кавалерия, когда Ул и Яра замолчали.

– Зачем они так? Это же младенец! – крикнула Яра.

Ощувив, что она начинает закипать, Ул обнял ее за плечо:

– Яр, погоди минутку! Давай послушаем Калерию Валерьевну...

Кавалерия взглянула на него с явным ехидством:

– То есть кофту с пуговицами? Прекрасно... Кофта выскажется! Вашего ребенка нужно охранять. Он зачем-то нужен ведьмарям.

– Может, это месть за *рогрика*? – предположил Ул.

– Может, и месть, но не припомню случая, чтобы ведьмари, отвечая шнырам, нападали на детей. К тому же в истории с *рогриком* вы двое не сделали ничего особенно героического. Вам-то за что мстить?

– Тогда что? – жалобно спросила Яра.

Вертя в руке очки, Кавалерия надела их так, что загнутые концы дужек смотрели не вниз, а вверх. Экспериментировать с очками было ее привычкой. С концами дужек вверх Кавалерии не понравилось, и, перевернув очки, она посмотрела на Яру с другой стороны стекол.

– Пока не знаю. Надо подумать.

– А если попытаться переселиться с Ильей в ШНыр? – предложила Яра.

Кавалерия покачала головой:

– Не получится. У него нет золотой пчелы.

– И что нам делать? – спросил Ул, не сводя с нее ждущих глаз.

– Возьмите несколько сильных охранных закладок. Спрячьте их в квартире, в подъезде, рядом с магазином, на местах постоянных прогулок и так далее. Это обезопасит вас от эльбов и боевых ведьм, – сказала Кавалерия.

Ул кивнул. Голодный Илья проснулся и захныкал. Ул с Ярой стали прощаться. В коридоре Кавалерия обняла Яру и тихо шепнула ей:

– Ну и главное: не падай духом! Нос должен смотреть на мир двумя бодрыми дырочками! Поводы для беспокойства существуют всегда, но главный подарок ребенку – это радостные и спокойные родители!

В тот же день, пока вооруженный до зубов Ул дежурил возле Ильи, Родион с Максом доставили в Копытово три десятка охранных закладок, которые до этого лежали за хозяйственным сараем у ворот ШНыра. Привезли их на машине Кузепыча, причем бедная «жирафа» едва ли не скребла днищем землю.

– А Кузепыч в курсе про машину и закладки? – поинтересовался Ул.

– К-к-кы... – заверил его Макс.

Родион усмехнулся, и Ул понял, что и с Кузепычем Макс говорил так же, причем из хитрости заикался сильнее обыкновенного. Макс еще в детстве сообразил, что когда начинаешь заикаться, у людей исчезает терпение тебя слушать и они соглашаются быстрее, чем поймут, о чем именно их просят.

Выгрузив из машины припасенные ломы и лопаты, старшие шныры взялись за работу. По четырем углам дома они пробили узкие шурфы и, заложив в каждый по закладке, засыпали

землей, а верхний слой еще и забетонировали. Когда бетон застынет, берсеркам, вздумай они откопать закладки, придется ударно потрудиться, да еще под обстрелом из окон.

– Т-твой дом т-теперь – самая охраняемая ты-ты-точка во всем м-мире. Во всяком случае от ведьмарей и эльбов, – сказал Макс, опираясь на лопату и вытирая пот со лба.

– Сколько закладок осталось? – крикнул Родион Улу.

– Ты громче покричи, конспиратор. Вон уже местные зашевелились, ночью придут откапывать клад, – усмехнулся Ул, кивнув на какого-то мужичонку, который, подчеркнуто не глядя в их сторону, уже в третий раз проходил мимо. – Шесть штук еще...

Еще несколько закладок они спрятали по дороге к автобусной площади и у магазинов, а последнюю – у детской поликлиники. Закончив работу, Родион и Макс вернулись в ШНыр, а перед этим завезли домой Макарова. Мастер починил все арбалеты, кроме двух, которые пустил на запчасти.

Ул, оставшийся дома, разложил арбалеты по подоконникам, сильно потеснив фиалки Яры.

– Неплохо получилось! – оценил он, обзрев свою работу. – Жаль, денег у нас маловато! А то можно было бы купить пару-тройку мешков сахара – и тоже их на подоконник. Бьешь из укрытия – и ни один болт в тебя не прилетит. По всем правилам оборудоваться, чудо былиин!

– А почему сахара? Почему не песка? – спросила Яра.

– Потому что сахар – он и есть песок. Еще мешок гречки. Тогда можно будет год не ходить в магазин... Сидишь отстреливаешься, чаек пьешь с сахарком... И тут же из пробитого мешка тебе прямо в кастрюльку сыплется гречка.

Яра фыркнула. Ничего себе мечты у Ула! А как хорошо и спокойно было несколько дней назад! Сама себе хозяйка, желтая колясочка, новенькая кровать – а теперь ее уютная квартира похожа на крепость в осаде! Всюду арбалеты, мужики какие-то ходят в уличной обуви, мебель сдвинута к стенам. Может, Ула такие ситуации и забавляют, но ее точно нет.

Вечером, когда Ул вышел вынести мусор, припаркованная неподалеку машина дважды коротко просигналила. Окно машины приоткрылось, выглянул какой-то человек и кивнул Улу на дальние гаражи. Ул постучал пустым ведром о мусорный бак, незаметно огляделся по сторонам и направился к гаражам. Знакомый автомобиль уже стоял там, выпуская из выхлопной трубы белое облачко и редко капая переработанным бензином. Ул обошел машину, открыл дверцу и, убедившись, что на заднем сиденье никого нет, сел рядом с водителем.

– Привет! – сказал он.

– Привет, коли не шутишь! – отозвался водитель.

Это был Ларри, знакомый Ула из форта берсерков. Ларри было лет сорок. Лысенький, потертый, круглый и совершенно незаметный. Ходил всегда бочком, улыбался мягко и уклончиво, ездил на машине с заляпанными грязью номерами.

Когда-то давно Ларри был шныром, потом подсел на псиос и попал в форт к берсеркам. У берсерков ему не понравилось. Он перекочевал в финансовый форт. И там не ужился. Переместился к Белдо, и задержался у Дионисия Тиграновича надолго, хотя магией не владел. Однако капризный старичок Белдо из всех глав фортов был самый дальновидный. Он понимал, что у всякого взрослого человека есть свои сложившиеся правила, темпы, привычки, способности. Свой коридор жизни, в котором человеку уютно. Пусть конь скачет, а корова дает молоко. «Бери у каждого то, что он может тебе дать, и закрывай глаза на все остальное!» – это был основной рабочий принцип Белдо. Долбушин же с Тиллем регулярно пытались заставлять коров скакать, а коней мычать.

И Белдо не прогадал с Ларри. Тот оказался очень деловым. Долгие годы осуществлял посредническую деятельность между ШНыром и ведьмарами. Это не поощрялось ни шнырами, ни Гаем, но в услугах Ларри нуждались и они были востребованы.

К примеру, у ведьмарей со временем накопилось много разряженных, совершенно ненужных им трофейных *нерпей*, которых не хватало в ШНыре. Или вот куртки из драконьей кожи. Для ведьмарей они ценности не представляли, а ШНыру были необходимы. «Новых драконов больше не делают, а если и делают, то, ясельный перец, не про нашу честь», – говорил Кузепыч. Шнырам тоже было что предложить взамен. У них регулярно оказывались антикварные топоры и секиры, которые хозяин был не прочь вернуть. Кроме того, многие виды трав с *двушки* помогали против ряда болезней, а сами ведьмари их достать никак не могли. И вот на этом стыке возникала острая необходимость в Ларри. На своей невзрачной машинке он сновал между Москвой и Копытово и осуществлял обменную деятельность, не забывая, конечно, и себя.

Популярности Ларри не искал. К воротам ШНыра никогда не совался. К воротам базы в Кубинке – тоже. Он был как краб, сидящий под камнем и не нуждающийся в рекламе. Выскочил бочком из своего укрытия, ухватил добычу – и назад под камень. Держаться подальше от всякого начальства и поближе к источникам пропитания было главным принципом его существования.

– Чего приехал? – хмуро спросил Ул. Обычно он неплохо относился к Ларри, но сейчас ненавидел всех ведьмарей.

Ларри не обиделся. С ним можно было обойтись без болтовни о погоде, дружелюбных смешков и прочих «ну как твое ничего?». Как показывала практика, цен они все равно не снижали.

– Да есть там парочка *нерпей* на обмен, – уронил Ларри небрежно. Голос у него был тягучий, южный.

– И как они?

– Одна ничего, как новая, а другая растрескалась вся. Лет пятьдесят где-то провалялась... Даже не знаю, где ее раздобыли, – оценивая сохранность вещей, Ларри всегда говорил объективно. Здесь ему можно было доверять.

– Что хотят взамен? – перебил Ул.

Ларри потрогал автомобильное зеркальце и чуть повернул его:

– За хорошую *нерпь* – двустороннюю секиру. Берик один с вашим Максом схлестнулся – так обронил со страху. А теперь опасается, что до Тилля эта история дойдет, и хочет секиру вернуть. Она к тому же антикварная какая-то вроде бы.

Ларри произнес это с таким равнодушием к результату, что Ул безошибочно уловил, что с берсерка он содрал немало и крайне заинтересован в сделке.

– Ясно, – кивнул Ул. – Поищем секиру! Только придется еще куртку добавить шныровскую. За куртку мы что-нибудь отдельно подкинем. Слизняка какого-нибудь для умножения мужской привлекательности... Ваши это ценят!

– Коли не шутишь, спрашиваю у ребят. Куртка товар редкий, – уклончиво пообещал Ларри, но Ул, неплохо его знающий, готов был поспорить, что спрашивать он ни у кого ничего не станет. Куртка у него явно где-то припрятана. Слизняки, обитавшие в трещинах Первой гряды, откуда их выковыривали палочками, ведьмарами очень ценились.

– Ну спрашивай... Отчего ж не спрашивать? – сказал Ул, и ему вдруг с дикой силой захотелось врезать Ларри. Всякий раз, как он, скашивая глаза, видел стену своего дома и вспоминал о Яре и об эле, превратившемся в коляску, пальцы у него сжимались сами собой.

– Лады, – не ощущая сгущающихся туч, согласился Ларри. – Кстати, а еще какие-то наши игрушки в ШНыре есть? Боевые молоты, алебарды, лабрисы, сагарисы, полэксы?... Ну из редкого? Топоры попроще можете себе оставить.

– Вроде бы даже фламберг где-то валялся... – отозвался Ул, встречавший в одной из кладовок несколько ржавых клинков.

Ларри притворился, что сомневается, а сам опять зыркнул в зеркальце:

– Ну не знаю... Надо с ребятами перетереть, узнать, чего предложат. А что за клинок? Откуда взялся?

– А кто его знает... Но явно ваш, трофейный. Вряд ли Митяй Желтоглазый с фламбергом бегал...

– Это точно, – признал Ларри, поспешно что-то соображая. – Я понюхаю воздух. Есть у нас вроде несколько ребят, которые на железках помешаны. Но вообще-то, между нами, хороший топор всегда лучше меча. Я мечами занимался одно время, продавал подделки всякие. Скажу как спец: хороший клинок без раковин выковать нереально. Он или выходит слишком хрупким, или его невозможно наточить. И так хитрят, и сяк, и полосы переплетают, и наваривают режущие части – но все равно удачных мечей не больше чем один на тысячу.

– Да уж... А за вторую *нерп* чего хотят? Которая плохо сохранилась? – спросил Ул. Он понял, что если не смотреть на Ларри, то терпеть его чуть легче.

Ларри мгновенно настроился на деловой лад:

– А вторую *нерп* ведьма одна притащила. Травы ей нужны с *двушки*, кора, камешки из ручья. Вот она тут набросала...

Ул посмотрел список. Он был мелким почерком на целую страницу.

– А не жирно ей будет? Тут дня два собирать, если по всему списку проходиться, – заметил он.

Ларри наклонился к нему.

– Да она и на половину от этого согласится, – шепотом сказал он. – Ты собери чего сколько сможешь, а там уж я ее уломаю. А *нерп* – она ничего... Снаружи обтрепалась, но фигурки целые...

– Ладно, что-нибудь найду, – буркнул Ул.

– А что? *Нерпей* совсем мало осталось? – быстро взглянув на него, спросил Ларри и рассеянно забарабанил пальцами по рулю.

– Лет на сто еще точно хватит, да только запас – он, чудо былиин, карман не тянет! – сказал Ул.

Ларри недоверчиво крикнул. Он догадывался, что *нерпей* у шныров осталось не много. И Ул догадывался, что Ларри об этом догадывается. Но вслух этого лучше не признавать – или в следующий раз Ларри задерет цены.

Оглянувшись, Ул увидел, что на заднем сиденье под газетами лежит помповое ружье.

– Что, ружье тоже на обмен? А за него чего хочешь? – насмешливо поинтересовался он.

Ларри испуганно дернул головой и натянул на приклад съехавшую газету.

– Нет, – сказал он быстро. – Ружье – это так... мало ли... Тут вот какое дело. Мне удалось вынюхать кое-что интересное. Я дико рискую, но ты же мой друг.

Ул кивнул, хотя прекрасно знал цену дружбе Ларри. Все свои обмены Ларри проводит только через него. Если с Улом что-то случится – лавочка автоматически прикроется, и Ларри растеряет свою клиентуру.

– У тебя ведь... того... говорят, ребенок родился? – продолжал Ларри нерешительно.

Ул на миг застыл, а потом уставился на костяшки своих пальцев.

– Да, – подтвердил он внезапно севшим голосом. – Родился.

– Сын? – спросил Ларри – и совершил ошибку. Возможно, первую за последний год, потому что он всегда был осторожен. Не всегда и не во всех случаях следует получать дополнительную информацию.

– Не девочка, – согласился Ул и почти обрадовался, что сдержался. Но вдруг произошло короткое, в секунду или в две, выпадение сознания, после чего Ул обнаружил, что держит Ларри за ворот, причем держит так, что у Ларри побагровело лицо, а щечки трясутся как две тряпочки.

– Отпусти... – прохрипел он, вцепляясь Улу в запястья. – Задушишь, дурак!

– И задушу!

– Я же как друг пришел. Предупредить хотел... Отпусти!

Ул разжал пальцы и отвернулся. Ларри хотел выскочить из машины, но остался и стал сердито поправлять одежду.

– Вот, пуговицу оторвал... Я к нему как к человеку – а он руки распускать... Да пошел ты... ничего тебе не скажу! – бормотал он.

Ул открыл дверь машины. Ему вдруг стало душно. Он боялся, что прикончит Ларри.

– Ладно! – решил вдруг Ларри. – Так скажу, как друг... Бери ребенка, жену и уезжай! Здесь не оставайся... Охранные закладки хорошо – я видел, как вы их закапывали, но они не спасут. Уезжай!

– Зачем? – спросил Ул.

– Ходят слухи... – Ларри быстро взглянул в зеркальце и потом сразу на Ула. – В руках себя держишь?

– Держу!

– Как-то не похоже! Только на меня не кидайся!

– Говори!

Ларри покосился на Ула и отодвинулся подальше к двери, взглядом прикидывая расстояние до своего помповика.

– Ну, в общем, поговаривают, что Гаю... зачем-то нужен твой ребенок.

– Зачем нужен? – почти по слогам выговорил Ул.

– Не знаю я! Я человек маленький. За что купил – за то продал. Мне один парень из охраны Гая изредка приносит разные новости. Дороговато, конечно, берет... – Тон у Ларри стал прощупывающим. Он соображал, не удастся ли ему вытянуть что-нибудь из Ула в награду за свою информацию. Но Ул выглядел таким злым, что Ларри решил не рисковать жизнью. – Короче, этот парень сам не знает, зачем Гаю твой ребенок. Он этот разговор краем уха зацепил. Но нужен... вроде бы они с Тиллем и Белдо о ребенке говорили. И Арно там был... – закончил он.

Ул внимательно разглядывал белые пятна на щеках у Ларри. Тот был и зол, и напуган, и как будто искренне оскорблен. В кои-то веки сделал что-то бесплатно – и его за это чуть не задушили. Нет, здесь Ларри не врет. Похоже, арбалетчик Гая, приносивший Ларри новости, действительно существовал.

Ул крепко переплел пальцы на руках. Пусть руки контролируют друг друга. Так для Ларри будет безопаснее.

– Ясно... Про нерпи, секиру и травы для ведьмы я узнаю. Тут мы договорились. А за остальное спасибо! – сказал он глухо.

– Как я смогу связаться с тобой, если ты уедешь? – быстро спросил Ларри.

– Я сам с тобой свяжусь. Ты же телефон не поменял?

– Нет. Но ты уедешь? Решать, конечно, тебе, но все-таки ребенок...

Ула охватило внезапное подозрение. Вдруг это ловушка? Не прокатило с охотничьим эльбом, увидели, что тут повсюду закладки, и ведьмари подослали к нему Ларри, чтобы он их выманил.

– Послушай... – продолжал меняла, вполне уже пришедший в себя. – А ты как-то не слишком удивился. Психанул, да. Но удивился не очень! Что, что-то еще было?

Ул разомкнул пальцы, взял Ларри за щеки и, повернув его голову к себе, пристально уставился ему в глаза.

– Выруби звук и слушай сюда! Кто помогает Гаю? Какие форты в деле? – спросил он.

– Тилля и Белдо. Но не Долбушина. Долбушин в бегах. Говорят, ранен мужик, и опасно... Как бы совсем копыта не отбросил, а то всякие ходят у нас слухи... – торопливо выговорил Ларри.

Ул отпустил его и вышел из машины.

Ларри, бросившись животом на опустевшее сиденье, захлопнул за ним дверь, и серая машина запетляла по двору.

Глава шестая

Новички

В школе я постоянно играл в игру «Все против меня». На самом же деле никаких «всех» нет. Есть куча отдельных личностей, у каждой из которых своя жизнь, свои цели, мотивы и интересы. Так что все в равном положении. Когда человеку кажется, что весь мир ополчился против него – это иллюзия.

И никакого «всего мира» тоже не существует. Мир – это множество людей, которые хотят внимания и заботы. Как только я это понял, мне стало намного легче жить.

Из дневника невернувшегося шныра

Ракетка пошла сверху вниз. Отличный топс, от бедра. Коснулась, закрутила. Шарик, стремительно вращаясь и словно наматывая на себя воздух, пронесся над сеткой. Ударился о жалобно и запоздало подставленную ракетку противника и взмыл в непредсказуемом направлении.

– Я с тобой не играю! Ты нечестно играешь! – чуть не плача, крикнул Афанасий.

– От ты дуся! Сказанул! Почему нечестно? Уже два раза ноль-одиннадцать я тебя обдуваю! – обиделся Витяра.

– Потому и ноль-одиннадцать! Играть надо так, чтобы всем было приятно. Я тебе шарик перебрасываю – а ты мне! А ты бух-бух-бух! – как психопат какой-то.

И Афанасий швырнул ракетку на край стола. Рина, валяющаяся на новом диване, который недавно поставили в коридоре рядом с теннисным столом, засмеялась. Жалко, Сашка не мог бывать в ШНыре. Витяру могли победить либо Сашка, либо Ул, либо Родион. Да и то не в каждой партии.

– Тут темно! Надо лампочку поярче ввинтить! – сказала Рина, помогая Афанасию сохранить лицо. Все-таки проигрывать всухую не очень-то приятно.

– Да. Точно. Вот... – сказал Афанасий благодарно. – В общем, ты понял, ушастый, почему я проиграл. Потому что лампочка тусклая!

– Угу, – кивнул Витяра. – И еще потому, что ветер от моих ушей изменяет траекторию шарика.

– Как там Гуля? – спросила Рина у Афанасия.

– Грустит, – ответил Афанасий и загрустил сам.

Гулю он навещал почти каждый день. У той все еще продолжался траур по элю. «Трауром» его называла сама Гуля. Это был ее термин. Афанасий же видел, что у Гули элементарная ломка. Гуля тосковала без тех состояний, которые испытывала, когда выигрывала споры. Афанасий боялся, что однажды она опять отправится к Белдо за новой личинкой – и... все повторится. Правильнее всего было бы постоянно находиться при Гуле и контролировать каждый ее шаг, но Афанасий не мог надолго оставить ШНыр.

От мамы же Гули и от ее сестры толку было мало. Обе привыкли, что Гуля их всем обеспечивает, и теперь вели себя как обиженные царевны. Бедняжек заваливало бытом. Надо было шевелиться, что-то делать, работать, а они разучились. Вороненок говорит «кар!», а хорошо разжеванный червячок не падает ему в рот. Это неправильно, дорогая редакция! А кто виноват? Правильно: он, Афанасий, этот авантюрист из Подмосковья, который личиночку беззащитную убил, мягонькую, добренькую, все дающую, – а еще принцем притворялся, собаккер!

В общем, период отношений у Афанасия с Гулей был непростой. И осложнялся тем, что Афанасий сам был порядочный эгоист. С трудом выносил плохое настроение Гули и слушал ее

бесконечные укоры. Просто тупик какой-то! С элем плохо, без эля скверно, а что хуже всего – самого себя постоянно жалко. Ну и за что это мне?! Афанасию хотелось все бросить и забыть про Гулю. Все думают, что любовь – это праздник. Непрерывные поцелуи, на руках тебя носят, тапочки в зубах, завтрак в постель и все такое. А потом оказывается, что это какой-то тяжелый воз. То ты его везешь, то сам лежишь на возу и везут тебя. И так до бесконечности. А в ШНыре жизнь идет своим чередом и очень непростые времена: погиб Меркурий, и Кавалерия больше не с ними. Тяжесть небесного свода легла на плечи старших шныров, которые совершенно к этому не готовы. Ну какой он, Афанасий, скажите, спаситель человечества?! Ну притащит порой закладочку-другую – но чтобы спаситель...

Он вообще не был уверен, любит он Гулю или нет. И может ли он любить эталонно, просто и верно? Ну так, как это показывают в кино. И изменял он Гуле мысленно довольно часто, и по сторонам любил посмотреть. Как-то в кафе, где он оставлял сюрпризец для ведьм Белдо – отличную охранную закладку, – Афанасий встретил поразительной красоты девушку-официантку. Красота у нее была не статичная, не в правильности черт и поцелуйной пригодности губ заключенная, а живая красота, растворенная во всем ее существо. Пока девушка стояла рядом, записывая в блокнот заказ Афанасия, он представил себе красивый роман с роковыми страстями и романтикой. В общем, натуральное кино с тэгами «мелодрама», «страсть», «такое возможно». И весь роман этот расстелился перед ним как скатерть по столу. А тут девушка вдруг оторвалась от своего блокнота, внимательно посмотрела на Афанасия, даже слова еще не сказавшего, и таким же деловитым, не особенно заинтересованным в ответе голосом, каким до этого спрашивала про кофе американо и эспрессо, спросила: «А женишься?» Афанасий ужасно растерялся, испугался и ляпнул «Нет».

Для него возможна была одна Гуля, которая ему часто не нравилась, которая его злила, которую он порой ощущал обузой, на месте которой нередко представлял другую, – но которая была уже его частью, как рука или нога. В конце концов, мне могут не нравиться мои ноги – но куда я от них денусь? Отрежу и поставлю пластмассовые?

В эти дни Афанасий, чтобы не думать непрерывно о Гуле и не злиться на нее за слабость, а на себя за бесхарактерность, опять начал слушать в электричке аудиокниги. Это успокаивало и наполняло. Словно опять вернулось детство. В детстве он впитал множество аудиокниг, не считая тех, которые ему безостановочно читала его сложная мама. Все эти бесчисленные книги перемешивались у него в сознании. Он не помнил ни автора, ни названия конкретной книги, ни часто даже имени героя. «Дочь хозяина ранчо, которая застрелила аллигатора... тьфу... каймана... тьфу... крокодила». Прочитанные книги становились субстратом, строительным материалом для собственного воображения. Годам к восьми Афанасий настолько переселился в мир своих грез, что обнаружил, что ему не нравится быть человеком. И долго, лет до десяти, в своих воображалках представлял себя черной пантерой с блестящей шерстью. Представлять себя человеком было... мм... ну как-то не так это было, не хотелось быть человеком.

Воображение у Афанасия всегда было зашкаливающее. Когда в детстве он смотрел страшное кино, то клал с собой рядом два игрушечных пистолета и саблю. Когда же становилось совсем жутко, например герой фильма крался по темному коридору, где его ждали убийцы, и играла зловещая музыка, он выбегал на кухню якобы попить воды.

Потом, уже лет в одиннадцать, Афанасий посмотрел «Белоснежку», но не мультик, а постановку в детском театре. Его впечатлило, что Белоснежку украли семь гномиков. Он стал представлять, что и его украли семь гномих. Нет, гномих не надо – семь красавиц... Такие типа амазонок, но не совсем. И все они в него влюбились. Эта влюбленность была детской такой, неопределенной, но Афанасий засыпал счастливым оттого, что где-то там, в незримой реальности, его любили семь амазонок. А где-то там за стенкой, в неинтересной ему реальности, ругались родители, мама зудела, бубнила, приставала, а папа долго крепился, а потом что-нибудь разбивал, – но все это было совершенно не важно.

А теперь вот его любит только Гуля, и то – любит ли? Ноет, выносит мозг. Но все же просыпалась порой в Афанасии какая-то новая, незнакомая ему горьковатая нежность, особенно когда Гуля сидела на кухне ссутуленная и грела руки о батарею. Может, это и есть любовь? Та, которая без гномих. Кто ее знает.

В коридоре послышался топот. Показался запыхавшийся Витяра, успевший отлучиться куда-то. Полукружя его ушей пылали.

– Маршрутка номер Н вернулась! Просто-навсего новичков привезла! – выпалил он и промчался сообщать новость дальше.

Было слышно, как он повторяет то же самое в дверях всех комнат. Рина, Витяра и Афанасий выскочили на улицу. Кузепыч стоял у ворот, смотрел на маршрутку и сопел. В нем кипел и плавился завхоз. Маршрутка № Н выглядела кошмарно. Из стекол уцелело только лобовое. Половина сидений были вырваны с мясом. Более того: у маршрутки куда-то исчезли руль и рычаг коробки передач. На одном из бортов было крупно написано помадой «**СпАсиТе! НаС ПОхИтили!**». Чтобы написать это, кому-то пришлось свешиваться из окна.

Искореженная маршрутка стояла у ворот. Из нее пока никто не выходил. Средние и старшие шныры толпились вокруг. Макар обошел маршрутку, пиная носком шины.

– Носит же земля таких вандалов!.. Колитесь: кто постарался? – крикнул он внутрь.

Никто не отозвался. Из маршрутки на него таращились испуганные глаза – и ничего больше. Макар наслаждался. Ему нравилось ощущать себя солидным. То на него все орали и называли его вандалом, а теперь он сам может немного покачать права.

Видя, что никто не выходит, а, напротив, пассажиры пытаются забаррикадироваться, для чего выдирают уцелевшие сиденья, Даня приблизился к маршрутке и хотел открыть дверь. Можно сказать, что ему это удалось, потому что дверь с грохотом упала прямо на него. Даня, от испуга отскочивший в сторону, опомнился, благородно выпрямился и прекрасным бархатным голосом произнес:

– Взаимное встречное почтение, господа! Добро пожаловать в ШНыр! Господа, пожалуйста, не надо ничем в меня кидать! Это же нелепо! Я представляюсь вам таким ужасным?

Голос Дани несколько успокоил находившихся в маршрутке. Баррикаду из вырванных сидений, немного помешкав, отодвинули, и из маршрутки выдвинулся упитанный, мощного сложения парень в синем свитере. Вряд ли ему было больше пятнадцати, но выглядел он старше. У парня был мясистый подбородок и круглые щеки. В руках он держал увесистый рычаг переключения передач, которым был вооружен как дубиной. Даня полез к нему с рукопожатием, но парень толкнул его плечом и прошел мимо.

Даня хотел обидеться, но вдруг заметил, что парень шагает как-то странно и словно на автопилоте. Примерно так ходят деревянные человечки. Даня даже засомневался, не лунатик ли тот. Пока он это обдумывал, вслед за первым парнем из автобуса вылез другой. У этого тоже оказались толстые щеки, подбородок римского патриция эпохи упадка и... еще один рычаг переключения передач. И он тоже не заметил руки Дани. За вторым парнем из маршрутки вылез третий. Надо ли говорить, что и он шагал как деревянный человечек, был в синем свитере, с круглым подбородком и с рычагом переключения скоростей?

Даня застыл столбиком и, никому больше не пытаясь протянуть руку, ошеломленно наблюдал. За третьим парнем вылез четвертый, за четвертым – пятый. Пока Даня пытался найти между ними хоть какие-то отличия, первый парень, описав во дворе полукруг, вернулся к маршрутке и залез в нее. За первым парнем, повторив все его движения, залез второй, за вторым – третий, а за ними еще несколько. Скрываясь в автобусе, каждый словно невзначай демонстрировал свою массивную железку.

Даня, убежденный, что все парни ушли, обернулся и вдруг увидел еще одного, неучтенного. Упитанный тип в синем свитере настороженно разглядывал его, постукивая рычагом переключения передач по ладони.

– А-атставить! – произнес он раньше, чем Даня о чем-то успел его спросить. – Где мы? Куда нас привезли?

– В ШНыр, – объяснил Даня и, видя, что это название парню ничего не говорит, растолковал, что ШНыр – это Школа ныряльщиков.

– То есть убивать нас здесь не будут? – уточнил парень.

– Н-нет, – заикнулся Даня и, сердясь на себя, подумал, что Ул для обуздания хамства назначил бы парню тридцать отжиманий, а он, Даня, почему-то стоит перед ним чуть ли не навтыжку и только отвечает на его вопросы.

Парень снисходительно кивнул и, оглянувшись, внимательно посмотрел на толпу шныров. Его успокоило, что в толпе были в основном молодые люди, лишь на несколько лет старше, чем он. Только девица Штопочка, Суповна и Кузепыч выбивались из общей картины, но и у них вид был не людоедский.

– Ясно. Значит, водолазный центр, говоришь? А ты кто? – насмешливо спросил парень у Дани. – Как тебя зовут, водолаз?

– Ну, Даня!

– Нуданя?.. Ну и развлекались же у тебя родители! – посочувствовал парень.

Даня решил, что пришла пора его осадить.

– Без «ну», – сухо сказал он, разглядывая пчелу, ползущую по рукаву свитера его собеседника. Пчела была непривычно крупной и на вид скорее бронзовой, чем золотой. Но все же это была определенно шныровская пчела. В этом сомневаться не приходилось.

– Точно без «ну»? Чем докажешь? – строго спросил парень.

Доказать Дане было нечем, но все-таки он порылся в кармане и нашел мятую квитанцию на получение заказного письма. Правда, на этой квитанции от его имени была только буква «Д». Парень некоторое время вертел квитанцию в руках, потом зачем-то посмотрел ее на свет и вернул Дане.

– Хорошо подделана. А я Андрей Нос! – сказал он.

– А те, другие, которые тут ходили? – Даня с опаской покосился на автобус.

– И эти тоже Андреи... – не пытаясь обернуться, заверил новичок.

– Носы? – спросил Даня недоверчиво.

Парень с угрозой качнул в руке рычаг:

– А-атставить шутки! Да, они тоже Андреи, хотя и не такие Носы, как я! Я главный Нос.

Он в последний раз просверлил Даню взглядом и махнул рукой, подавая знак тем, кто оставался в автобусе. Даня ожидал, что из маршрутки опять появятся те громилы, но из автобуса вдруг гибко вышагнула девушка. Даня мельком подумал, что она похожа на кошку, но вот чем именно похожа, этого Даня выразить бы сразу не смог.

Двигалась девушка по-кошачьи. Невероятно гибко она обогнула Даню и оказалась между Даней и подошедшим к нему Витярой. Витяре она мимоходом потерлась щекой о плечо, как трется голодная кошка. Потом точно так же потерлась о плечо Дани. Затем остановилась между Витярой и Даней, взяла их под руки и стала смотреть в ту же сторону, что и они. Выходило так, будто только Андрей Нос приехал на маршрутке, девушка же была своя, местная.

– Я Дина Кошкина, – промурлыкала она. – А те дуболомы – это его дубли! Невероятно, да? А когда они не нужны, они исчезают. Мы обалдели, когда они стали разносить автобус... А до этого он такой примерный сидел. Ну, до момента, пока мы не поняли, что едем не пойми куда, а за рулем никого. Я стала всех успокаивать, а тут эти дубли как обезьяны скачут, все крушат и ничего не сообщают! На самом деле мы все были паиньки: это он один все разнес!

Андрей Нос откашлялся:

– А-атставить поливать меня грязью!.. Чем дублей больше – тем они глупее. Мой разум равномерно распределяется по всем дублям.

– Ты в кадетском корпусе, случайно, не учился? – не выдержав, спросил Даня.

Андрей Нос недовольно сунул руки в карманы:

– А-атставить догадываться! Меня оттуда убрали, когда я разнес спортивный зал... Канат оторвал, стены тоже, кажется, местами обрушились. Преподаватели не верили, что такое мог сделать один человек. Требовали назвать сообщников.

– А ты был один?

– Нет. Меня было двадцать человек... а когда двадцать – тут я совсем уже плохо соображаю, – с гордостью сообщил Андрей Нос.

Дина не ответила, тонко улыбнулась и, издав мурлыкающий звук, провела по лицу рукой. Дане почудилось, что кошка умывается лапкой. Прямо наваждение!

К Дане и Витяре постепенно добавлялись и другие шныры. Подошли Рина, Рузя, Окса, Вовчик, девица Штопочка, одетая в телогрейку и перепоясанная бичом. На Штопочку, хотя та и молчала, Андрей Нос покосился с опасливым уважением, которого к своей персоне Даня не наблюдал.

Тем временем, убедившись, что угрозы нет, из автобуса появились и остальные новички. Вышла очень высокая бледная девушка с темными волосами. Не рассчитав высоту подножки, она подвернула ногу и поморщилась. Рина, стоящая к ней ближе других, услышала, как девушка произнесла, обращаясь сама к себе:

– Мне больно. Но что такое боль? Защитный рефлекс. Повреждений нет, значит, защищаться не от чего.

Рина засмеялась. Высокая девушка укоризненно посмотрела на нее. Лицо у нее было строгое.

– Ей смешно! – сказала она вполголоса. – Но что такое смех? Когнитивный сигнал. Различают смех юмористический, социальный, истерический, физиологический, медикаментозный и нервную разрядку. Интересно, эта девушка понимает, каким смехом она смеется, или она наивная дурочка?

– Ты о чем? – растерялась Рина и опять засмеялась.

– Ага! – произнесла девушка, внимательно ее выслушав. – А вот это уже была нервная разрядка!

– Как это?

– А так! На тебя кидается собака, ты успеваешь испугаться – и тут оказывается, что собака на цепи.

Рина хмыкнула. Высокая девушка пристально посмотрела на нее:

– Вот! А это был смех смущения или беспокойства. Улавливаешь разницу? Ты не знаешь, как на меня реагировать, и потому издаешь все эти маскирующие звуки!

– Маскирующие что?

– Твое замешательство.

– Да, – созналась Рина. – Ты очень необычная.

– Умница! – похвалила девушка. – Я в тебе не ошиблась. Ты довольно умная на вид! Делаешь большие успехи!

Рядом кто-то громко, вызывающе захохотал. Оказалось, что Вовчик. Зачем-то он влез на одну из опор забора и стоял на ней во весь рост. Ему важно было продемонстрировать новичкам, что вот в ШНыре есть такая значительная, сильная и прекрасная личность, которая в упор никого не замечает, а просто хохочет себе на заборе по своей программе.

Высокая девушка мельком взглянула на Вовчика и кивнула самой себе.

– Вот! А это уже ржание, или смех ликующий! Данный вид смеха преобладает у приматов. Обратите внимание, он залез на возвышение и пытается бить себя в грудь, – сказала она.

– Я не бью! Я чешусь! – возмутился Вовчик.

– Что чешешь? Грудь? Это заменное действие, то есть примерно одно и то же.

Вовчик с трудом заставил себя опустить руку и дальше продолжал смеяться уже с некоторой натугой.

– Это тоже смех ликующий? – спросила Рина.

– Нет. Видишь, высота звука поменялась? Это патологический смех, или так называемый смех без причины... Такой бывает при лечении душевных болезней прямой электростимуляцией мозга... Кстати, пора знакомиться! Я Маша Белявская.

– У тебя тоже какой-то необычный дар? Клоны там или что-то такое? – спросила Рина, заметив, что в коротких волосах Маши мелькнула и сразу скрылась крупная, с бронзовым отливом пчела. Пчела эта была заметно крупнее обычных шныровских, и цвет у нее был размытый, тусклый, с бронзовым отливом.

– Мой дар – логический анализ. Я пытаюсь понять природу всех явлений. Если песчинка где-то сдвинулась – значит, подействовала сила, которая ее сдвинула. Так и человек... Вот ты сейчас моргнула два раза подряд. Это могло означать, во-первых...

– Хватит. Я уже поняла! – торопливо прервала ее Рина.

Из маршрутки показался невысокий крепкий юноша, чем-то неуловимо похожий на юного Меркурия Сергеича без бороды.

– Кто это? – шепотом спросила Рина у Маши Белявской.

– Федор Морозов. Загадочный тип. Пока Андреи Носы прыгали и все разносили, этот преспокойно сидел и дышал на свою пчелку. Я бы сказала, что он пытался на нее воздействовать, но у него не получалось, – так же шепотом ответила Маша.

– А что, должно было получиться? – заинтересовалась Рина.

– Не знаю. Данных для анализа недостаточно, поскольку нет достоверной статистики! – строго сказала Маша. – Но насколько я поняла, этот Федор оживляет предметы.

– Как оживляет?!

– Да очень просто. Возьмет и оживит, допустим, стул. Стул идет как собачка, а потом вдруг поднимет ножку – и из него выпадет гвоздик, – Маша Белявская засмеялась, причем не самым умным видом смеха. – При этом в движениях стула соблюдается внутренняя закономерность. То есть стул не сможет прыгать как кузнечик! А какая-нибудь лампа на пружинках сможет. А спичечная коробка будет ползти, выдвигая и вдвигая свою брюхоножку... Ну как там назвать ту штуку, где у нее спички лежат?

Рядом с Федором Морозовым шла девушка. Кожа на ее лице была такой нежной, что на ней виднелись все прожилки. Когда она краснела, кожа вспыхивала красными точками в разных местах. И точки эти тоже были разные: где-то алые, где-то розовые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.